

Opp. 665^P(1)

3453 1/4

LB 1

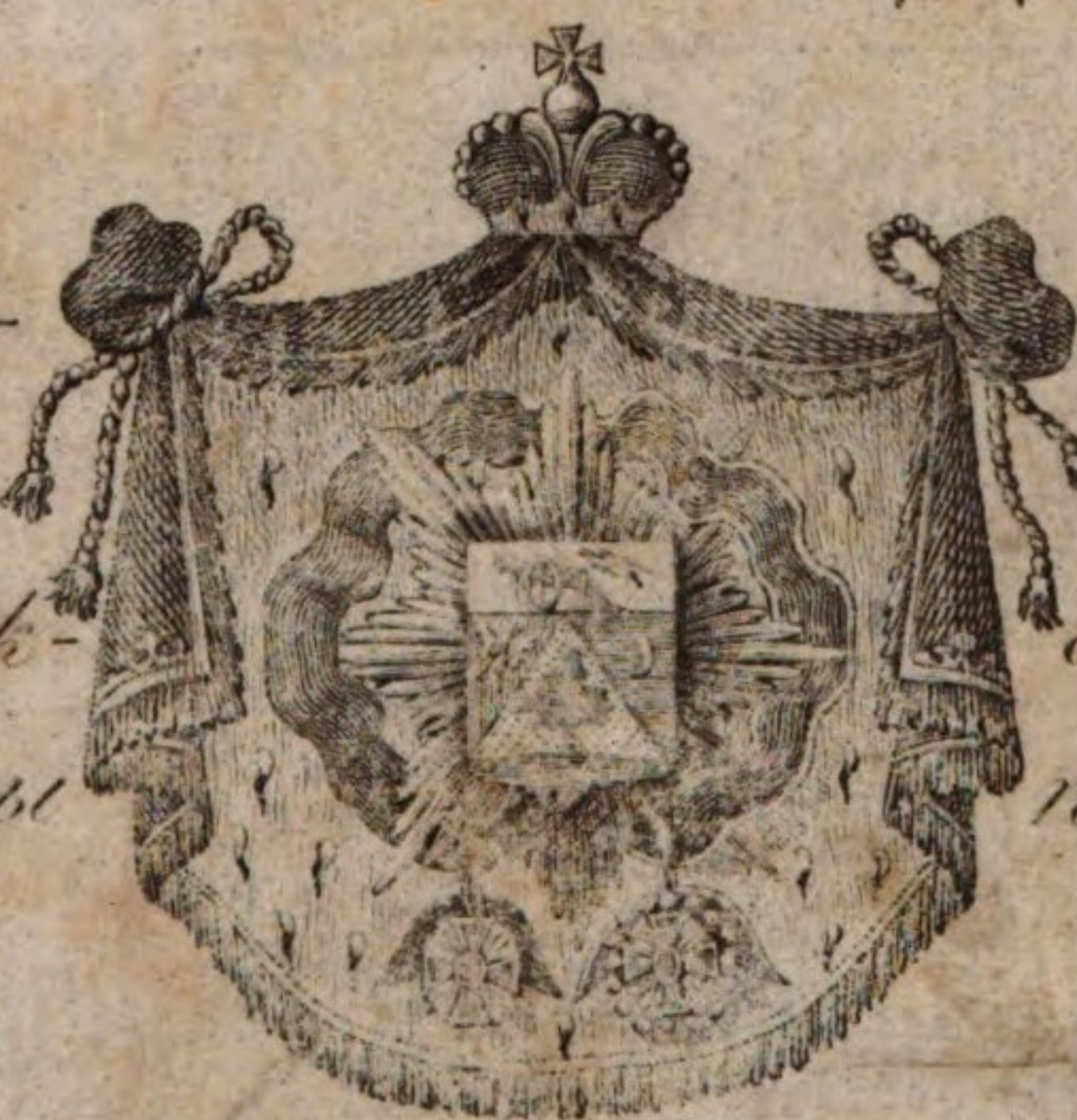
13

20

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ДМИТРИЕВЪ

Действитель-
Совѣтникъ и
новъ Св. Алек-
и Св. Анны

ный Майнъ
Кавалеръ Орде-
сандра Несскаго
перваго класса.

СОЧИНЕНІЯ
ДМИТРІЕВА.

ЧАСТЬ I.

Bo 29
D-53

МОСКВА

1818.

3

932 + m
1-3

9

СОЧИНЕНІЯ

И. И. ДМИТРИЕВА.

Il veut le souvenir de ceux qu'il a chéris.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Изданіе пятое,

исправленное и умноженное.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1818.

Fg/72/158

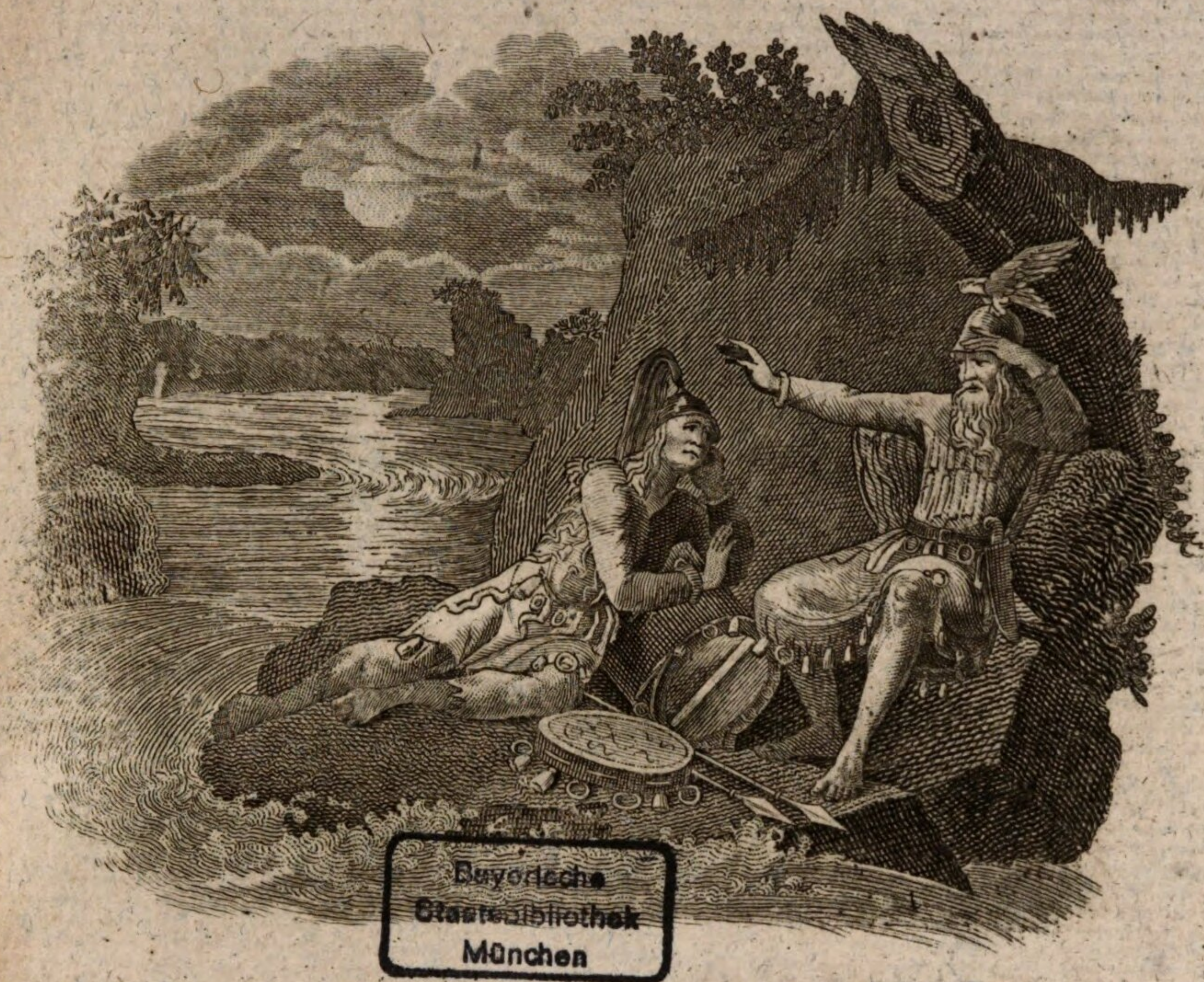
Печатамъ позволяется съ шѣмъ, чшобы по оппечаша-
ніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ
Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для
Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Ми-
нистерства просвѣщенія, два экземпляра для Импера-
торской Публичной Библіотеки и одинъ для Император-
ской Академіи Наукъ. Москва, Мая 4го дня 1817 года.
Ординарный Профессоръ, Коллежскій Совѣтникъ и Цен-
соръ Михаилъ Снѣгиревъ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ALPHABETICAL INDEX

Е Р М А Н Ъ.

Какое зрѣлище предъ очи
 Представила ты, Древность, миѣ!
 Подъ ризою угрюмой ночи,
 При блѣдной въ облакахъ лунѣ,
 Я зрю Иртышъ: крупитъ, сверкаетъ,
 Шумитъ, и пѣной подмываетъ
 Высокой берегъ и крушой;
 На немъ два мужа изнуренны,
 Какъ пѣни, въ адѣ заключенны,
 Сидятъ, склонясь на длань главой;
 Единый младъ, другій съ брадой

Часть I.

Сѣдою и до чреслъ висящей ;
 На каждомъ вижу я нарядъ ,
 Во ужасъ сердце приводящій !
 Съ булапныхъ шлемовъ ихъ висятъ
 Со всѣхъ сторонъ хвосты змѣины
 И вѣютъ крылія совины ;
 Одежда изъ звѣриныхъ кожъ ;
 Вся грудь обвѣшена ремнями ,
 Желѣзомъ ржавымъ и кремнями ;
 На поясѣ широкій ножъ ;
 У стопъ же два лежатъ пимпана
 И два повержены копья :
 То два Сибирскіе Шамана ,
 И ихъ слова внимаю я .

С т а р е ц ъ .

Шуми , Ирпышь , реви ты съ нами ,
 И вторь плачевнымъ голосамъ !
 Навѣкъ опровержены богами !
 О горе намъ !

М л а д ы й .

О горе намъ !
 О страшная для насъ невзгода !

С т а р е ц ъ .

О ты , копорыя вѣнецъ
 Поддерживали при народа (*),

(*) Ташары , Остѣи и Вогуличи .

Гремѣвши міра по конецѣ —
 О сильна, древняя Держава!
 О машерь нѣсколькихъ племенѣ!
 Прошла швоя, исчезла слава!
 Сибирь! и ты познала плѣнь!

М л а д ы й.

Твои народы распоченны,
 Какъ вихремъ возмятенный прахъ!
 И самъ Кучумъ (*), гроза вселенны,
 Твой Царь, погибъ въ чужихъ пескахъ!

С т а р е ц ь.

Священные твои Шаманы
 Скишаются въ глуши лѣсовъ.
 На шоль судили вы, Шайпаны (**)
 Достигнуть бѣлыхъ мнѣ власовъ,
 Чшобъ я, шполѣшній вашъ служитель,
 Спеналъ и въ прахъ, бывши зритель
 Паденья штысячъ вашихъ чадъ?

М л а д ы й.

И отъ кого-жъ, о боги! пали?

С т р а е ц ь.

Отъ горсти Русскихъ! . . . Моръ и гладъ!
 Почто Сибирь вы не пожрали?

(*) Кучумъ изъ Царства своего ушелъ къ Калмыкамъ и
 убитъ ими.

(**) Такъ назывались Сибирскіе кумиры.

Ахъ! лучшебъ трусь, потопись, иль громъ
Всемощны на нее послали,
Чѣмъ быть поправной Ермакомъ!

М л а д ы й.

Бичемъ и ужасомъ Природы! . . .
Кляните вы его всякъ часъ,
Сибирски горы, холмы, воды:
Онъ вѣчный мракъ просперъ на васъ!

С т а р е ц ь.

Онъ шелъ какъ сполсъ, огнемъ палящій,
Какъ люпый мразъ, все вокругъ мерпвѣщій!
Куда спрѣлу ни посылалъ —
Повсюду жизнь предъ ней блѣднѣла
И страшна смерть во слѣдѣ лелѣла!

М л а д ы й.

И Царскій братъ предъ нимъ упалъ.

С т а р е ц ь.

Я зрѣлъ съ нимъ бой Мегмеша - Кула (*),
Сибирскихъ спранъ богашыря:
Разсыпавъ спрѣлы всѣ изъ шула
И вящимъ жаромъ возгоря,
Извлекъ онъ саблю смертоносну.
„Дай лучше смерть, чѣмъ жизнь поносну

(*) Царскій братъ, котораго Ермакъ плѣнилъ и отпослалъ къ Царю Іоанну Васильевичу; отъ него произошли Князья Сибирскіе.

Влачишь мнѣ въ плѣнѣ! — онѣ сказалъ —
 И вмигѣ на Ермака напалъ.
 Ужасный видѣ! Они сразились!
 Ихъ сабли молніей блестящѣ,
 Удары тяжкіе творящѣ,
 И обѣ разомъ сокрушились.
 Они въ ручной вступили бой:
 Грудь съ грудью и рука съ рукой;
 Отъ вопля ихъ дубравы воющѣ;
 Они стопами землю роющѣ;
 Уже съ нихъ сыплетъ потъ какъ градъ;
 Уже въ нихъ сердце страшно бьется,
 И ребра обомъ прещаютъ:
 То сей, то оный на бокъ гнется;
 Крушатся, и — Ермакъ сломилъ!
 „Ты мой теперь!“ онѣ возопилъ:
 „И все опнынѣ мнѣ подвластно!“

М л а д ы й.

Сбылось пророчество ужасно!
 Плѣнилъ, поправъ Сибирь Ермакъ!...
 Но что! уже-ли спонъ сердечный
 Гонимыхъ будещъ. . . .

С т а р е ц ь.

Вѣчный! вѣчный!
 Внемли, мой сынъ: вчера во мракъ
 Глухихъ лѣсовъ я углубился,

И тамо съ пламенной душой
 Надъ жертвою богамъ молился —
 Вдругъ вѣпръ возсшалъ и поднялъ вой;
 Съ деревьевъ листья полетѣли;
 Столѣпни дубы заскрыпѣли,
 И вихрь закланныхъ сериъ унесъ!
 Я палъ, и слышу гласъ съ небесъ:
 „Неукропимъ, ужасенъ *Раца* (*)
 Когда казнишь вселенну онъ.
 Сибирь, опвергши мой законъ!
 Пребудь вовѣнъ, споная, плача,
 Рабыней *Бѣлаго Царя*!
 Да свѣтлая тебя заря
 И черна ночь въ цѣпяхъ застанетъ!
 А слава грозна Ерманна
 И чадъ его да вѣнъ не вянетъ,
 И будетъ подъ луной громка!
 Умолкнулъ гласъ, и громъ прикратно
 Прошекъ по бурнымъ небесамъ. — —
 Увы! погибли невозвратно!
 О горе намъ!

М л а д ы й.

О горе намъ! —

(*) Главной Оспяцкой идолъ. Кучумъ, родившійся въ Магомешанской вѣрѣ, частію уговорилъ, частію же принудилъ большую половину Сибири вѣрись Алкорану.

Потомъ, съ глубокимъ сердца вздохомъ,
 Возставъ съ камней, обросшихъ мхомъ,
 И, снявъ орудія съ земли,
 Они вдоль берега поехали,
 И вскорѣ скрылися въ туманѣ.

Миръ праху твоему, Ермакъ!
 Да увѣнчають Россіяне
 Изъ злата вылитый твой знакъ,
 Изъ Ребръ Сибири источенна
 Твоимъ булашнымъ копьемъ!
 Но что я рекъ, о пѣнь забвенна!
 Что рекъ въ усердіи моемъ?
 Гдѣ обелискъ твой? — Мы не знаемъ,
 Гдѣ даже прахъ твой былъ зарытъ.
 Увы! онъ вепремъ попираемъ,
 Или Остякъ по немъ бѣжитъ
 За ланью быстрой и рогапой,
 Прицѣлясь къ ней стрѣлой пернапой.
 Но будь утѣшенъ ты, Герой!
 Царящій спихотворства Геній
 Всякъ день съ Авророю златой,
 Въ часы божественныхъ явленій,
 Надъ прахомъ плаваешь твоимъ
 И сладку пѣснь гласишь надъ нимъ:

„Великій! гдѣбъ ты ни родился,
 Хотя бы въ варварскихъ вѣкахъ

Твой подвигъ жизни совершился;
 Хопябъ исчезъ швой самый прахъ;
 Хопябъ сыны швои, попомки,
 Забывъ дѣянья предка громки,
 Скишались въ дѣбряхъ и лѣсахъ,
 И жили съ алчными волками:
 Но ты, великій человѣкъ,
 Пойдешь въ ряду съ Полубогами
 Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ;
 И славы лучъ швоей запмишся,
 Когда померкнетъ солнца свѣтъ,
 Со пресномъ небо развалишся
 И Время на косу падешъ! "

ОСВОБОЖДЕНІЕ МОСКВЫ.

Примите, древнія дубравы,
 Подъ пѣнь свою пиломца Музъ!
 Не шумны пѣть хочу забавы,
 Не сладости Циперскихъ узъ;
 Но да возрю съ полей широкихъ
 На красну, гордую Москву,
 Сѣдящу на холмахъ высокихъ —
 И спящи вѣки воззову!

Въ какомъ ты блескъ нынѣ зрима,
 Княженій знаменистыхъ масть!
 Москва, Россіи дочь любима!
 Гдѣ равную тебѣ сыскашь?
 Вѣнецъ швой перлами украшенъ;
 Алмазный скиптръ въ твоихъ рукахъ;
 Верхи твоихъ огромныхъ башенъ
 Сіяютъ въ златѣ, какъ въ лучахъ;
 Отъ Норда, Юга и Востока,
 Отвсюду быспрошай попока

Къ тебѣ сокровища шекутъ;
 Сыны твои, любимцы славы,
 Красивы, храбры, величавы,
 А дѣвы — розами цвѣтутъ!

Но нѣкогда и ты сгнела
 Подъ бременемъ различныхъ золъ;
 Едва корону удержала
 И свой клонившійся престолъ;
 И ты съ лица земнаго круга
 Едва не скрылась отъ очей!
 Сарматъ простеръ къ тебѣ длань друга,
 И остро копье вознесъ!
 Вознесъ — и храмы воспылали,
 На дѣвахъ цѣпи зазвучали,
 И кровь ихъ братьевъ пошекла!
 „Я гибну, гибну!“ ты рекла,
 Вращая утраченно око:
 „Спасай меня, о Геній мой!“ —
 Увы! молчанье вокругъ глубоко,
 И мечъ висящій надъ головой!

Гдѣ ты, Славяновъ храбрыхъ сила?
 Проенись, возстань, Россійска мочь!
 Москва въ плѣну, Москва уныла,
 Какъ мрачная осенняя ночь. —
 Возстала! все восколебалось!
 И Князь, и ратникъ, старъ и младъ,

Все въ крѣпку броню ополчалось!
 Перуномъ возблисталъ булатъ! —
 Но кто изъ тысячъ видимъ мною,
 Въ сѣдинахъ бодръ и сановитъ?
 Онъ долженъ быть вождемъ, главою, —
 Пожарскій то, Россіи щитъ! . . .
 Воспоргъ, воспоргъ я ощущаю!
 Пылаю духомъ и лечу!
 Гдѣ лира? смѣло начинаю!
 Я подвигъ предка пѣть хочу!

Уже гремятъ въ поляхъ колъчуги;
 Далече пыль вспаеетъ сполпомъ;
 Идутъ Россіи вѣрны слуги;
 Несетъ ихъ вождь, Пожарскій, громъ!
 Опи кликовъ рапи воютъ рощи,
 Дремавши въ мерпвой пишинѣ;
 Свѣшило дня и звѣзды нощи
 Героя видятъ на конѣ;
 Лепитъ — и взоромъ лучъ опрады
 Въ сердца унывшія ліетъ;
 Лепитъ какъ вихрь, и движетъ грады
 И веси за собою въ слѣдъ!

„Откуда шумъ?“ принявши ухомъ,
 Рекъ воинъ, въ думу погруженъ.
 Взглянулъ — и блѣденъ, съ робнимъ духомъ,
 Бросается съ Кремлевскихъ стѣнъ.

„Кѣ щипамѣ , кѣ щипамѣ , зовешѣ Сармата !
 Погибель намѣ минушы праща !
 Я видѣлъ войско сопосщамѣ :
 Какѣ змѣй , хребешѣ свой изгибаешѣ ,
 Главой уже коснулось врашѣ ,
 Хвостомѣ все поле покрываешѣ.“ —
 Вдругѣ спогны рапными сперлись —
 Мяпущся , спроющся , дѣлящся ,
 У врашѣ , бойницѣ , вкругѣ спѣнѣ шолпящся ;
 Другіе вихремѣ понеслись
 Славянамѣ и громамѣ на встрѣчу.

И се — зрю зарево кругомѣ ,
 Вѣ дымѣ и вѣ пламѣ спрашну сѣчу !
 Со звономѣ сшибся щипѣ сѣ щипомѣ —
 И разомѣ сильного не стало !
 Ядро во мракѣ зажужжало ,
 И цѣлый рядѣ безспрашныхѣ палѣ !
 Тамѣ вождѣ добычею Эревѣ ;
 Здѣсь бурный конѣ , сѣ копьемѣ во чревѣ ,
 Вскочивши на дыбы , заржалѣ ,
 И навзничѣ грянулся на землю ,
 Покрывши всадника собой ;
 Отвсюду прескѣ и громы внемлю ,
 Глушащи скрежешѣ , стонѣ и вой.

Пируешѣ Смертѣ , и ужасѣ мещешѣ
 Во градѣ , и вѣ доли , и вѣ лѣса !

Тамб дѣва юная трепещѣтъ ;
 Тамб старецѣ смотриѣтъ въ небеса
 И къ хладну сердцу выю клониѣтъ ;
 Тамб пупника страхъ въ дебри гониѣтъ.
 И ты, о пруженикъ святой,
 Живымъ погребшійся въ могилѣ !
 Еще вспомнилъ міръ земной
 При блѣдномъ днѣ твоихъ свѣтилѣ ;
 Вспомнилъ горестъ, и слезой
 Ланишу блѣдну орошаешь,
 И къ Богу, сущему съ тобой,
 Дрожащи руки проспираешь !

Трикрапы день возсіявалъ,
 Трикрапы ночь его смѣняла,
 Но бой еще не преспавалъ
 И Смерть руки не упомляла ;
 Еще Пожарскій мечѣтъ громъ ;
 Вездѣ лепаетъ онъ орломъ —
 Тамб гониѣтъ, здѣсь разиѣтъ, караѣтъ,
 Ударъ ударомъ умножаѣтъ,
 Колебля мощь Липовскихъ силъ ;
 Спорукій исполинъ прясѣтся —
 Падѣтъ — издохъ ! и вопль несѣтся :
 „Ура ! Пожарскій побѣдилъ !“
 И въ градѣ опдалось спокрашно :
 „Ура ! Москву Пожарскій спасъ !“

О ушро памятно, пріятно!
 О вѣчно-незабвенный часъ!
 Кто дастъ мнѣ кисть живошворящу,
 Да радость напишу горящу
 У всѣхъ на лицахъ и въ сердцахъ?
 Да яркой изражу чертою
 Народъ, воскресшій на стѣнахъ,
 На кровахъ, — и съ высотъ къ Герою
 Вѣнки лепящи на главу;
 Сигклишъ, побѣдну пѣснь поющій,
 Съ Хоругви въ сръшенъе идущій,
 И въ пальмахъ свѣтлую Москву? . . .

Но гдѣ Герой? куда сокрылся?
 Гдѣ сонмъ и Князей и Бояръ?
 Откуда звучный кликъ пустился?
 Не Царство - ль онъ пріемлетъ въ даръ? —
 О! что я вижу? Побѣдитель,
 Москвы, Ошечесва спаситель,
 Забывши древность, подвигъ дня
 И вокругъ его гремящу славу,
 Вручаешъ юношѣ державу,
 Предъ нимъ колѣно преклоня!
 „Ты кровь Царей!“ вѣщаль Пожарскій:
 „Ощецъ швой въ узахъ у враговъ,
 Прими вѣнецъ и скипетръ Царскій;
 Будь Рускихъ радость и покровъ!“

А ты, Герой, пребудешь ввѣки
 Ихъ честью, славой, образцомъ!
 Гдѣ горы небо пруть челомъ,
 Тамъ шумныя помчатся рѣки;
 Изъ благовѣстий выйдетъ лѣсъ;
 Въ степяхъ возникнутъ верхограды;
 Родятся и исчезнутъ грады;
 Нашура новыхъ шму чудесъ
 Откроетъ взору изумленну;
 Освѣтитъ новый лучъ вселенну:
 И воинъ, отъ твоей крови,
 Тебя вспомнитъ, возгордится,
 И паче, паче утвердится
 Въ прямой къ Отечеству любви!

КЪ ВОЛГѢ.

Конецъ благополучну бѣгу!
Спускайте, други, паруса!
А ты, принеся ко брегу,
О Волга, рѣкѣ, озерѣ краса,
Глава, царица, честь и слава!
О Волга пышна, величава!
Прости! . . . Но прежде удостой
Склонишь свое вниманье къ лирѣ
Пѣвца, незнаемаго въ мірѣ,
Но воспоеннаго побой!

Исполнены мои обѣщанья;
Свершилось то, чего желалъ
Еще въ младенческія лѣтны,
Когда я руки проспиралъ
Къ тебѣ изъ опоческія кущи,
Взирая на суда бѣгущи
На быстрыхъ, бѣлыхъ парусахъ!
Свершилось, и блажу Судьбину:
Великолѣпну зрѣлъ картину! —
И я былъ на твоихъ волнахъ!

То нѣжнымъ вѣтеркомъ лобзаемъ,
 То ревомъ бури и валовъ
 Подъ черной пучей оглушаемъ
 И опзывомъ твоихъ береговъ,
 Я плылъ, скакалъ, лепѣлъ спрѣлою —
 Тамъ видѣлъ горы надъ собою,
 И спрашивалъ: Который вѣкъ
 Заспалъ ихъ въ молодости сущихъ?
 Здѣсь мимо городовъ цвѣтущихъ
 И дикихъ пустыней я шекъ.

Тамъ веси, нивы благодѣшны,
 Спада и кущи рыбарей,
 Цвѣты и травы аромашны,
 Распути средь твоихъ зыбей,
 Влекли попеременно взоры;
 А тамъ Сиренъ пернатыхъ хоры,
 Подъ тѣнь кусточковъ уклонясь,
 Пространство тѣнью оглашали —
 И два сайгана имъ внимали
 Съ крутыхъ стремнинъ, не шевелясь.

Тамъ кормчій, руку простирая
 Чрезъ лѣсъ дремучій на курганъ,
 Вѣщалъ, сопутниковъ сзывая:
 „Здѣсь Разиновъ былъ, други, спанъ!“
 Вѣщалъ, и въ думу погрузился;
 Холодный потъ по немъ разлился,

И перстѣ на воздухѣ дрожалъ.
 А швой пѣвецъ въ сіи мгновенья,
 На крыліяхъ воображенья,
 Въ прошекшихъ временахъ леталъ.

Леталъ, и будшо сквозь шумана
 Я видѣлъ швой веселый шокъ
 Подъ рашью Грозна Іоанна,
 И видѣлъ Аспрахани рокъ.
 Вошце Ордынцы безопрадны
 Бѣгушъ на холмы виноградны,
 И сыплюшъ стрѣлы по судамъ:
 Безспрашный Россъ на брегъ спускаетъ —
 И гордо Царство упадетъ
 Со препешомъ къ его споцамъ.

Я слышалъ Каспія сѣдаго
 Пророческій, громовый гласъ:
 „Спрашишесь, Персы, рока злаго!
 Идетъ, идетъ Царь силъ на васъ!
 Его и Югъ и Нордъ препещетъ;
 Онъ пысячymi перуны мететъ,
 Зашилъ Луну и Льва сразилъ! . . .
 Внемлите шумъ: се Волжски волны
 Несутъ его, гордыни полны!
 Увы, Дербеншъ! . . . идетъ Царь силъ!“

Прорекъ — и хлынули рѣками
 У Бога воды изъ очесъ;

Вдругъ море вздулося буграми,
 И влажный Каспій въ нихъ исчезъ.
 О какъ ты, Волга, ликовала!
 Съ какимъ восторгомъ поднимала
 Побѣдоноснаго Царя!
 Въ сію минушу предъ тобою
 Казались малою рѣкою
 И Бельтъ, и Каспій, всѣ моря!

Но странникуль тебя прославишь?
 Онъ только въ искреннихъ стихахъ
 Смиренну дань хотѣлъ оставишь
 На счастливыхъ твоихъ берегахъ.
 О естлибъ я внушенъ былъ Фебомъ,
 Ты первою рѣкой подъ небомъ,
 Знашнѣйшей Гангеса была!
 Тыбъ славою своею завила
 Величіе Евфрата, Нила,
 И всю вселенну прошекла!

СМЕРТЬ КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА.

Уныль внезапно лавръ зеленый —
Уныль, и долу преклоненъ!
Возстани, свыше вдохновенный,
Возстани, Бардъ, сынъ всѣхъ временъ!
Бери обвину крепомъ лиру;
Гласи на ней, повѣдай міру
Печаль чувствительныхъ сердецъ,
Слонъ воиновъ непобѣдимыхъ,
Въ слезахъ среди профеевъ зримыхъ;
Гласи . . . Пошмкина конецъ!

О коль ужасную картину
Печальный Геній мнѣ открылъ!
Безмолвну вижу я долину;
Не слышу помаванья крылъ
Ни здѣсь, ни тамъ любимца Флоры;
Все шомно, что ни вспрѣпятъ взоры!
Поникнулъ злакъ, ручей молчитъ;
И шомъ, кого весь Югъ спрашитъся,
Увы! простертъ на холмъ зрится —
Простертъ, главу склоня на щипъ!

Герой геройски умираетъ
 Въ виду поправныхъ имъ градовъ,
 И духъ свой Небу возвращаетъ
 Средь рашниковъ, своихъ сыновъ!
 Почилъ, и вопль вокругъ раздался,
 И шумный гласъ молвы помчался
 Вливать въ сердца печаль и страхъ!
 Синилъ (*), Бендеры изумленны,
 Героевъ слыша вопль плачевный
 Въ поверженныхъ отъ нихъ спѣнахъ;

Очаковъ, гордый и подъ прахомъ,
 Чудился, и сомнѣнья полнъ,
 Чтobbъ пошъ, кто былъ дракону страхомъ
 Въ степяхъ, вершепахъ, среди волнъ,
 Кто рану далъ ему глубоку,
 Былъ общему подвласненъ року!
 И черный Поншъ, надувъ хребетъ,
 Валишъ, реветъ во слухъ Селиму,
 Объяшу думой, нерѣшиму:
 „Воспрянь! уже Церуна нѣтъ!...“

Но чьи тамъ слышу помны лиры
 Съ Днѣпровыхъ злачныхъ береговъ?
 Чей сладкій гласъ несутъ Зефиры?
 То гласъ не смертныхъ, но боговъ!

(*) Древнее названіе Измаила.

То вопіюпѣ Херсонски Музы:
 „Увы! разпорглись наши узы,
 Любитель нашъ, навѣкъ съ побой!
 Давноль бесѣдовалъ ты съ нами
 И лиру испещрялъ цвѣтами (*),
 Готовясь въ кровопитный бой?

„Давноль Херсонъ, побой украшенъ,
 Цвѣтущъ на брегѣ быспрыхъ водъ,
 Взиралъ съ своихъ высокихъ башенъ
 На твой со славою приходъ?
 Давноль себя мы здѣсь встрѣчали
 И путь твой лавромъ устилали?
 Давноль?“ и болѣ не могли;
 Изъ рукъ цѣвницы покапились,
 Главы къ колѣнамъ ихъ склонились,
 Власы упали до земли.

„Гдѣ, гдѣ не плачуть и не спонутъ
 Во мзду Иранловыхъ заслугъ?
 Въ слезахъ шамъ родспвенники понутъ;
 Тамъ одолженныхъ спраждешъ духъ;
 Тамъ, подъ соломеннымъ покровомъ,
 Зрю воина въ вѣнѣхъ лавровомъ
 Среди родимыя семьи;
 Онъ алчно внемлющей супругѣ

(*) Я видѣлъ рукопись одного изъ нашихъ стихотворцевъ съ поправками К. Пошемкина.

Разсказываетъ : какъ на Югѣ
Князь подвиги творилъ свои ;

Какъ въ полѣ бился съ сопослатьомъ ,
Какъ во стѣнахъ его каралъ ,
Какъ кончилъ жизнь Тутъ бѣлымъ плащомъ
Текущи слезы утиралъ .

Слеза безцѣнная , священна ,
Изъ сердца чиста извлеченна ! —

О Витѣй ! что твоя хвала !

Не сеюль жертвою одною
Воздашь , Россія , днесъ Герою ,
Которымъ славима была ?

Нѣтъ ! сынъ твой вѣчно будетъ громокъ !
Пошепки Геройскій ликъ
Увидишь поздней твоей попомокъ ,
И возгласишь : „Онъ былъ великъ !“
И вольный Грекъ , забывъ желѣзы ,
Прольетъ предъ нимъ сердечны слезы ;
И самый Туркъ , нахмура взоръ ,
Сынамъ своимъ его покажетъ :
„Се бичъ нашъ былъ !“ вздохнувъ онъ скажетъ —
И Музы его прославитъ хоръ .

ГЛАСЪ ПАТРІЮТА НА ВЗЯТІЕ ВАРШАВЫ.

Гдѣ буйны, гордые Тишаны,
Смутившіе Аспреи дни?
Спремглавъ низверженны, поправны
Въ прахъ, въ прахъ! Рекла, ... и гдѣ они?
Вопи, союзница лукава,
Опшынѣ спавшая рабой:
„Исчезла *Собіесковѣ* слава!“
Ходи съ поникшею главой;
Шапайся, рвись вокругъ селъ несчастныхъ,
Вкругъ древнихъ, гордыхъ, падшихъ спѣвъ,
Въ шерзаньяхъ совѣспи ужасныхъ,
И вѣкъ оплакивай свой плѣвъ!

А Ты, гремѣвшая со прона,
Любимица самихъ боговъ,
Достойна гимновъ Аполлона!
Воззри на цвѣтъ Своихъ сыновъ:
Се вѣютъ шлемы ихъ пернашы,
Се ихъ бѣлѣютъ знамена!
Се ихъ покрышы пылью лапы,
На коихъ кровь еще видна!
Воззри: се идутъ въ ратномъ строѣ!
Всякъ истый въ сердцѣ Славянинъ!

Не Марсаль въ каждомъ зришь Герой ?

Не всякъ ли рока власпелинъ ?

Они къ спомамъ Твоимъ бросають

Лавровы, свѣжіе вѣнки.

„Твои они, Твои ! вѣщають :

Съ Тобой намъ рвы не глубоки ;

Съ Тобою низки спрашны горы !

Скажи, скажи, о Матерь ! намъ ,

Склоня величественны взоры ,

Куда еще лепѣшь орламъ ? „

Куда лепѣшь ? кто днесъ возстанешъ ,

Всеи Польши зря ужасну часъ ?

Твой громъ вопще нигдѣ не грянешъ :

Спрашна Твоя, Царица, власъ !

Спрашна Твоя и прозорливосъ

Врагу, злодѣю Твоему !

Вездѣ найдешъ его спропшивосъ

Препонѣ неодолимыхъ тму ;

Вездѣ обрящутся преграды :

Твои, какъ мѣдною спѣной,

Бойницами прикрыты грады ,

И каждый въ оныхъ спражъ Герой ;

Предѣлы царствѣ Твоихъ щипами ,

А седьмъ, рабынѣ Твоихъ, морей

Покрышы быспрыми судами ,

И жезлъ судьбы въ рукѣ Твоей !

Речешъ — и двигнется полсвѣта ,
Различный образъ и языкъ :
Тавридецъ , чтишель Магомеша ,
Поклонникъ идоловъ , Калмыкъ ,
Башкирецъ съ мѣшкими стрѣлами ,
Съ булашной саблею Черкесъ ,
Ударятъ съ шумомъ въ слѣдъ за нами
И прахъ поднимаютъ до небесъ !
Твой Россѣ весь міръ дрожатъ заспавишь ;
Наполнитъ громомъ чудныхъ дѣлъ ,
И шамъ сполны свои поставишь ,
Гдѣ свѣту цѣлому предѣлъ !

СТИХИ

НА ВЫСОКОМОНАРШУЮ МИЛОСТЬ, ОКАЗАННУЮ ИМПЕРА-
ТОРОМЪ ПАВЛОМЪ ПЕРВЫМЪ ПОТОМСТВУ
ЛОМОНОСОВА.

О радость ! дайше , дайше лиру :
Я вижу Пинда божество !
Да возвѣщу въ воспоргѣ міру
Славянской Музы торжество ,
И новый блескъ Монаршей славы !
Таланпамъ возвратились правы :
Герой , Вельможа , Судія !
Не презирайте днесь Пѣвцами :
Самъ Павелъ ихъ равняетъ съ вами ,
Щедры лучь и къ нимъ лѣя.

Се гласъ Его , гласъ благопловный ,
Несется до морскихъ валовъ ,
При коихъ , жребію покорный ,
Кидаетъ мрежи рыболовъ.
„Возвысь чело ! ему вѣщаетъ :
Царь иго съ плечъ своихъ снимаетъ ,
Твой предокъ Ломоносовъ былъ ! “ —
О Павелъ ! Ты единымъ словомъ ,

Не попряся міра громомъ ,
Себя къ безсмертнымъ приобщилъ.

Падуть надменны пирамиды
Съ размаху Кроновой руки ;
Сопрутся обелисковъ виды ;
Исчезнутъ Ксерксовы полки
И Царства , ими покоренны :
Но дарованія неслѣбны !
Въ потомствѣ Сѣверный Орфей ,
Вторый возникнетъ Ломоносовъ —
И поздный родъ узнаетъ Россовъ
О благости души Твоей.

П Ъ С Н Ъ

НА ДЕНЬ КРОНОВАНІЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА, ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА.

П о э т ъ.

И я, пипомецъ Аполлоновъ,
Не умолчу въ сей важный часъ!
Судьба рѣшился миллионовъ;
Взоръ міра обращенъ на насъ,
И свыше Громовержецъ внемлетъ;
Младый Сподвижникъ воспріемлетъ
Обѣтъ, который всѣхъ святей:
Быть спражемъ и опцемъ Полсвѣта! —
Утѣшь насъ радугой завѣта,
О Богъ судебъ! о Царь Царей!

Х о р ъ.

Даруй Твой судъ Царю младому,
Да будетъ другомъ правды Онъ;
Любезенъ добрымъ, грозенъ злому,
Дальнѣйшаго услышитъ спонъ;
Народовъ разныхъ Повелитель,
Да будетъ Геній-просвѣщитель,

Краса и честь Своимъ спранамъ !
 Да будутъ дни Его правленья
 Для Россовъ днями прославленья
 И преданы отъ нихъ вѣкамъ !

П о э т ъ.

МОНАРХЪ ! подъ сими небесами ,
 На семъ же мѣстѣ Іоаннѣ
 Пріалъ геройскими руками
 Вѣнецъ , которымъ Ты вѣнчанъ.
 Благоговѣй къ своей порфирѣ :
 Ее носилъ Великій въ мірѣ ,
 Самъ Петръ на мочныхъ раменахъ !
 Благоговѣй предъ сей державой :
 Она горитъ , блистаетъ славой
 Премудрыя , одной въ женахъ !

Х о р ъ.

Да ниспошлетъ Безсмертна Вѣку
 Свой даръ сердцами обладашь ;
 Да укрѣпишь Монаршу руку
 Кормиломъ Царства управляй !
 О вѣшъ , о кровь Екатерины !
 При Ней корабль нашъ (*) чрезъ пучины
 Опважно къ щасію летѣлъ ;
 При ней Россіянинъ , сынъ славы ,
 Вселенной подавалъ утѣхы
 И жребіемъ ея владѣлъ.

(*) Корабль правленія.

П о э т ъ.

Не измѣнимся и съ Тобою :
 Тебѣ душа ея дана !
 Я вижу , вижу предъ собою ,
 МОНАРХЪ ! грядущи времена :
 Россія въ силѣ возрастаетъ
 Иobeliski воздвигаетъ
 Во мзду заслугъ своихъ сыновъ ;
 Гремятъ въ ней Пиндары , Плафоны —
 О дни златыя ! . . . Милліоны ,
 Несите сердце вмѣсто словъ !

Х о р ъ.

Гряди на пронѣ Россіи съ Богомъ ,
 Гряди , Ошечеснѣва Отецъ !
 Будь щасстья нашего залогомъ
 И утѣшеніемъ сердецъ !
 Цари всемошны и священны :
 Хошятъ — и смершныя блаженны ,
 И на землѣ вкушають рай !
 Имъ Небо власть свою вручило :
 Входи , о новое Свѣшило !
 И благосшью въ вѣкахъ сіай.

Г И М Н Ъ Б О Г У .

Парю душей къ Тебѣ , Всечтимый ,
 Превѣчно Слово , Трисвятый !
 Блажу Тебя , Непоспижимый ,
 Всемошнй , Безначальный , Сый !
 Блажу , и сердцемъ восхищаюсь ,
 Зря шмы , куда ни обращаюсь ,
 Въ твореніи Твоемъ чудесъ !
 Великъ равно Ты въ насѣкомомъ ,
 Какъ въ буряхъ , къ намъ рѣвущихъ съ громомъ
 Съ недосягаемыхъ небесъ !

Гдѣ пунктъ начатія Вселенны ?
 Что въ солнцѣ огонь пишашъ Твой ?
 Чѣмъ звѣзды въ шверди ушверженны ,
 И что вращашъ шаръ земной ?
 Откуда сонмы водъ пуспились
 И вдругъ земли совокупились
 Въ неизмѣримый Океанъ ?
 Что внѣ его , что внѣ эфира ?
 Кто въ тайнахъ сихъ , о Творче міра !
 Участникомъ Твоимъ избранъ ?

Никто, никто въ Твоемъ свѣтѣ!
Непроницаемъ Твой покровъ!
Сѣдящій въ неприступномъ свѣтѣ,
Надъ міріадами міровъ,
Ты взоромъ солнца возжигашь,
Ты маніємъ міры вращаешь,
Ты духомъ Ангеловъ творишь,
И словомъ, мыслію одною —
Сію пылинку предъ Тобою —
Громаду Свѣта испребишь!

РАЗМЫШЛЕНИЕ ПО СЛУЧАЮ ГРОМА.

Гремитъ!... благоговѣй, сынъ персиди!
Се *Ветхій* деньми съ небеси
Изъ крошкой, благошворной длани
Перуны сѣетъ по землѣ! —
Всесильный! съ препешомъ младенца,
Цѣлую я священный край
Твоей молніецвѣтной ризы,
И... исчезаю предъ Тобой!

Что человекъ! паритъ ли къ солнцу,
Смирено-ль идетъ по землѣ:
Увы! шамъ умъ его блуждаетъ,
А здѣсь стопы его скользятъ.
Подъ мракомъ въ океанѣ жизни
Пловецъ на уцлой ладѣ,
Ошдавши руль слѣпому року,
Онъ спитъ, и мчится на скалу.

Ты дхнешь, и двигнешь Океаны!
Речешь, и вспяшь они шепчутъ!
А мы... Одной волной подбьются,
Одной волной поглощены!

Вся наша жизнь , о Безначальный !
Предъ тайной вѣчностью Твоей
Едва минувшее мечтанье ,
Лучь блѣдный утренней зари.

ПРЕЛОЖЕНІЕ 49 го ПСАЛМА.

Кто въ блескахъ молніи нисходитъ,
 Колеблетъ гласомъ горъ сердца,
 И взоромъ въ трепетъ все приводитъ?
 Природы-ль вижу я Творца? —
 Онъ! Онъ! се мечъ въ десной сверкаетъ,
 А въ шуйцѣ вѣчныя вѣсы;
 Се къ вамъ, народы, Онъ вѣщаетъ —
 О страхъ! о грозные часы!

„Не мни, гласитъ, о родъ спроптивый!
 Загладишь жертвами свой грѣхъ,
 Когда во гнѣвѣ судъ правдивый
 Приду изречь на смертныхъ всѣхъ!
 Что Мнѣ до вашихъ всесожженій,
 До вашихъ жертвъ и пучныхъ спадовъ?
 Богъ пьетъ ли кровь своихъ твореній?
 Безсмертный чувствуетъ ли гладъ?

„Я всю Вселенную обемлю
 И въ длани жизнь ея ношу;
 Я вздоху насѣкомыхъ внемлю;
 Хочу, и солнце погашу!

Пожри же Мнѣ своей душою,
 Очисти совѣсть оубо грѣховъ,
 И непорочныхъ устъ хвалою
 Да будетъ славимъ Богъ боговъ!

„Но да прильпнешъ языкъ къ горшани
 Твоей, о грѣшный человѣкъ!
 Не просирай ко Мнѣ ты длани
 И не блажи Меня вовѣкъ!
 Тебѣ ли Бога пѣснословишь,
 Коль духомъ не живешь о Немъ;
 Коль адъ спѣшишь себѣ гошовишь
 Въ порочномъ житіи своемъ?“

„Изъ устъ твоихъ печетъ ядъ лещи
 И злоба ухищренныхъ змѣй;
 Ты брашу ковъ шворилъ изъ мещи,
 Корысти раздѣлялъ шашей.
 О лицемѣры! вѣчно - ль спашу
 Я громъ удерживать въ рукахъ?
 Возпрепещите! гряну, гряну,
 И уничтожу яко прахъ!“

КЪ ГАВРИЛУ РОМАНОВИЧУ ДЕРЖАВИНУ (*).

Бардъ безвмянный ! тебя-ль не узнаю ?
 Орлій издавна знакомъ мнѣ полетѣ.
 Я не въ опчизнѣ , въ Москвѣ обитаю ,
 Въ жилищѣ суетѣ.

Тщешно Поэту искашь вдохновеній
 Тамо , гдѣ враны глушатъ соловьевъ ;
 Тщешно въ дубравахъ здѣсь бродитъ мой геній
 Близъ свѣшлыхъ ручьевъ.

Тамо встрѣчаетъ на каждомъ онъ шагѣ
 Рдяныхъ Сапировъ и Вакховыхъ жрицъ (**),
 Скачущихъ съ воплемъ и плескомъ въ опвагѣ
 Вкругъ древнихъ гробницъ.

(*) Это былъ отвѣтъ на стихи , присланные въ Вѣсп-
 никъ Европы. Почтенный Авшоръ ихъ , не подписав-
 шій своего имени, думалъ , что я въ деревнѣ , и пе-
 нялъ мнѣ за мою лѣность.

(**) Здѣсь описаны Цыгане и Цыганки , которые во все
 лѣно промышляютъ въ Марьиной роцѣ пѣснями и
 пляскою.

Гулъ ихъ *Эвое* (*) несется вдоль рощи,
 Гонимъ пернатыхъ скрываясь въ кустахъ;
 Даже далече наводитъ средь ночи
 На пушника страхъ.

О Пѣснопѣвецъ! одинъ ты способенъ
 Пѣть и подъ шумомъ сердитыхъ валовъ,
 Какъ и при нивѣ — себѣ лишь подобенъ —
 Языкомъ боговъ!

(*) *Эвое*, или *Эванъ*, былъ употребительный припѣвъ
 Вакханокъ, при отправленіи ихъ Оргій. Это при-
 мѣчаніе для дѣшей, незнающихъ еще Мифологіи.

ПОДРАЖАНІЯ ГОРАЦІЮ.

ОДА VII ИЗЪ КНИГИ XIII.

Пловецъ, подъ тучею нависшей,
Игралище морскихъ валовъ,
Не зря звѣзды, ему свѣпившей,
Покоя просишь у боговъ.
Къ покою проспирають длани
И Мидіи роскошный сынъ,
И мужеспвенный выпязь въ брани
Проспранныхъ Оракіи долинъ.

При старости и жизни въ цвѣтѣ
Всегда въ опраду намъ покой,
Не покупаемый на свѣтѣ
Ниже и пурпура цѣной!
Не рѣдко грусть и сильныхъ гложетъ
Въ ихъ позлащенныхъ перемахъ;
И ревность Ликторовъ не можетъ
Отгнашь отъ нихъ заботы, страхъ.

Но кто же болѣе проводишь
 Въ покоѣ кругъ лешащихъ дней ?
 Лишь тотъ , кто щастіе находитъ
 Среди семейства и друзей ;
 Приютной хижиной доволенъ ,
 Наслѣдствомъ скромнымъ отъ отца ;
 Въ желаньяхъ строгъ , въ дѣяньяхъ воленъ ,
 И безъ боязни ждетъ конца ;

Чуждъ зависти , любостяжанья ,
 Днемъ веселъ , въ ночь покойно спишь !
 Почто намъ лишнія желанья ,
 Коль смерть внезапно насъ разишь ?
 Почто отъ приспани пускаешься
 Во преволниенный Океанъ ,
 Бездомнымъ сиротой скитаешься
 Подъ небосклономъ чуждыхъ странъ ?

Мать - родину свою оставишь ,
 Но отъ себя не убѣжишь :
 Умолкнувъ сердце не заспавишь ,
 И мукъ его не усмиришь !
 Ни день , ни часъ не въ нашей волѣ ;
 Щастливцевъ совершенныхъ нѣтъ :
 Такъ будемъ же въ смиренной долѣ
 Сносишь равно и мракъ и свѣтъ.

Ахиллъ полъ рано жизнь оставишь ,
 Тишанъ два вѣка будешь жишь :

Кто знаетъ, чью избъ насъ прибавитъ,
 Иль укоротитъ Парка нить?
 На пажитяхъ твоихъ красивыхъ
 Песпрѣшетъ стадомъ каждый лугъ,
 И ржаніе коней спроптивыхъ
 Разноситъ гулъ далече вокругъ.

Тебя богатство, знатность рода
 Въ червлену ризу облекли;
 А миѣ фортуна и природа
 Послали въ даръ клочокъ земли;
 Таланта искру къ пѣснопѣнью
 На ладъ любимыхъ мной творцовъ,
 И равнодушіе къ сужденью
 Толпы Зоидовъ и глупцовъ.

О Д А Ш І З Ъ І К Н И Г И.

Леши, корабль, въ свой путь съ Виргиліемъ моимъ!
 Да сохраняѣтъ тебя свѣшила благошворны:
 И Поллуксъ и Касторъ, и шовъ, кому покорны
 Всѣ вѣпры на водахъ; и та, котору чшимъ
 Богиней красоты, всѣхъ радостей душою!
 Леши! и принеси безвредно по волнамъ
 Ты друга моего къ Аппическимъ брегамъ:
 Дражайшу часть меня я оппустилъ съ шобою!

Конечно твердою, дубовою корой,
 Тройнымъ булапомъ грудь была вооруженна
 Того, въ комъ перва мысль родилась дерзновенна
 Невѣрной поручаѣ спихіи жребій свой!
 Ни дожденосныя, зловѣщія Гіады,
 Ни Африканскій вѣпръ, ни бурный Аквилонъ,
 Ни Нотъ, незнающій пощады,
 Не сдѣлали ему препонъ —
 И что они! какой родъ смерти былъ ужасенъ
 Тому, чей смѣлый взоръ былъ неподвиженъ, ясенъ,
 Когда зіяла хлябь, горой вздымался валъ,
 Изъ воли чудовища скакали,

И стрѣлы молній обвивали

Верхи Эпирскихъ грозныхъ скалъ ?

Такъ ! вшуне отъ Небесъ народы раздѣленны ,

Обширныя моря въ предѣлѣ имъ положенны !

Афетовъ дерзкій сынъ все смѣетъ одолѣть :

Хотѣлъ , и могъ сіи пространства прелетѣть ;

Хотѣлъ , и святошь всѣхъ законовъ нарушаетъ ,

И даже огонь съ небесъ коварно похищаетъ .

О святошество ! сколь твоей гибели былъ слѣдъ !

По свѣту океанъ разлился новыхъ бѣдъ ,

И неизбежна смерть , но медленна дошолъ ,

Удвоила свой шагъ и всѣхъ разитъ по волѣ !

Но только ли ? Дедалъ , родившійся безъ крылъ ,

Опважно къ солнцу воспарилъ ;

Алкидъ потрясъ предѣломъ ада !

Гдѣ нашей дерзости преграда ?

Мы , въ буйствѣ , даже въ брань вступаемъ съ

Божествомъ ,

И Діевъ никогда не опдыхаетъ громъ .

ОДА І ИЗЪ ІІ КНИГИ.

Служитель Музъ, хочу я истины воспѣть
 Въ стихахъ, неслыханныхъ донынѣ:
 Фебъ движетъ — прочь, враги Священъ!
 А вы, о юноши! . . . внимать, благоговѣть!
 Царямъ подвластенъ міръ, Цари подвластны Богу,
 Тому, Кто съ облачныхъ высотъ
 Тигантамъ въ адъ отверзъ дорогу;
 Кто маніемъ бровей колеблетъ неба сводъ.
 Владѣй по всей землѣ ты рудами златыми,
 А ты народовъ будь оплотъ;
 Хвались ты предками своими,
 А вы паланками, геройствомъ и умомъ:
 Умрете всѣ! законъ Судьбины непреложенъ.
 Ктобъ ни былъ — малъ, или великъ,
 Предъ смертью всякъ равно ничтоженъ;
 Въ сосудъ роковомъ нѣтъ жребіямъ отликъ!
 За царскою-ль себя трапезой насыщаетъ,
 Пернашымъ внемлетъ ли весной,
 Ко сну-ль главу на пухъ склоняетъ:
 Злодѣй всегда зрѣтъ мечъ висящій надъ собой.

Сонъ сладкій только данъ орапаямъ въ опраду ;
 Онъ любитъ ихъ смиренный кровъ ,
 Тѣнистой рощицы прокладу ,
 Цвѣты и злакъ долинъ , журчанье ручейковъ.

Пусть грозный Океанъ клопочетъ подъ валами ;
 Пусть буря черными крылами
 При блескѣ молній возшумитъ :
 Мудрецъ на брань стихій спокойно съ берега зритъ.

Одинъ громадами стѣсняетъ рыбъ и давитъ ,
 Казною пропасти бушитъ ,
 И на зыбяхъ черпоги спавитъ —
 Но гдѣ онъ отъ заботъ, печали будетъ скрытъ?

Безумецъ , ты бѣжишь отъ совѣсти напрасно :
 Тиранъ швой сердца въ глубинѣ ;
 Она съ побою повсечасно
 Лепитъ на корабль и скачетъ на конѣ.

Чшожъ пурпуръ, ароматъ и мраморы Фригійски?
 Къ чему Фалернское вино ?
 Почто вносишь мнѣobeliski ,
 Когда спокойствія намъ съ ними не дано ?

Нѣтъ ! злату не бываешь души моей кумиромъ ;
 Мои желанья : скромно жить ,
 Не съ завистью , — съ сердечнымъ миромъ ,
 И счастье въ уголку Сабинскомъ находить.

С М Ъ С Ъ.

САТИРЫ.

ЧУЖОЙ ТОЛКЪ.

„Что за диковинка? лѣтъ двадцать ужь прошло,
 Какъ мы, напругши умъ, наморщивши чело,
 Со всеусердіемъ все Оды пишемъ, пишемъ,
 А ни себѣ, ни имъ похвалъ нигдѣ не слышемъ!
 Уже ли выдалъ Фебъ свой имянной указъ,
 Чтобъ не дерзалъ никто надѣяться изъ насъ
 Быть Фланку, Рамлеру и ихъ собратъ рав-
 нымъ,

И сполько жъ, какъ они, во пѣснопѣвьи славнымъ?
 Какъ думаешь? . . . Вчера случилось мнѣ сличать
 И ихъ и нашу пѣснь: въ ихъ . . . нечего чипать!
 Листочикъ, много при, а любо какъ читаешь—
 Не знаю, какъ-то самъ какъ будто бы лепашь!
 Судя по краткости, увѣренъ, что они
 Писали ихъ рѣзвась, а не чепыре дни;
 То какъ бы намъ не быть еще и ихъ щаспливѣй,
 Когда мы во сто разъ прилѣжнѣй, шерпѣливѣй?
 Вѣдь нашъ начнетъ писать, то всѣ забавы прочь!
 Надъ парюю стиховъ просиживаетъ ночь,

Потѣешь, думаешь, черпишь и жжешь бумагу;
 А иногда берешь такую онъ отвагу,
 Что цѣлый годъ сидишь надъ Одою одной!
 И подлинно ужъ весь приложишь разумъ свой!
 Ужъ прямо самая торжественная Ода!
 Я не могу сказать, какого это рода;
 Но очень полная, иная въ двѣсти строфъ!
 Судитежь, сколько штукъ хорошихъ есть стихо-
 ковъ!

Къ томужь, и въ правилахъ: сперва прочтешь
 вступленье,
 Тутъ предложенье, а тамъ и заключенье —
 Точь въ точь, какъ говоряшь учены по церк-
 вамъ!
 Со всѣмъ шѣмъ нѣтъ чипать охоты, вижу
 самъ.

Возьму ли, на примѣръ, я Оды на побѣды,
 Какъ покорили Крымъ, какъ въ морѣ гибли Шведы?
 Всѣ штукъ подробности сраженья нахожу,
 Гдѣ было, какъ, когда, — короче я скажу:
 Въ стихахъ реляція! прекрасно! . . . а зѣваю!
 Я, бросивши ее, другую раскрываю,
 На праздникъ, иль на что подобное тому:
 Тутъ найдешь то, чегобъ нехитрому уму
 Не выдумаешь и въкъ: зари багряны персты,
 И райскій кринъ, и Фебъ и небеса отверсты!
 Такъ громко, высоко! . . . а нѣтъ, не веселишь,
 И сердца, такъ сказать, ни чуть не шевелишь!

Такъ дѣдовскихъ временъ съ любезной про-
споною

Вчера одинъ старикъ бесѣдовалъ со мною ;
Я, будучи и самъ товарищъ тѣхъ пѣвцовъ ,
Которыхъ дѣйствию дивился онъ стиховъ ,
Смутился и не зналъ, какъ отвѣчать мнѣ должно;
Но къ счастью — ежели называть по счастью можно,
Чтобъ слышать и себѣ ужасный приговоръ —
Какой - то Аристархъ съ нимъ началъ разговоръ:

„На это, онъ сказалъ, есть многія причины;
Не обѣщаюсь ихъ открыть и половины,
А нѣкоторыя вамъ охотно объявлю.

И самъ языкъ боговъ, Поэзію, люблю,
И нашей, какъ и вы, утѣшенъ также мало;
Однакожь здѣсь въ Москвѣ толкался я бывало
Межъ нашихъ Пиндаровъ, и всѣхъ ихъ замѣчалъ:
Большая часть изъ нихъ — Лейбгвардіи капралъ,
Ассессоръ, офицеръ, какойнибудь подьячій,
Иль изъ Кунсткамеры антикъ, въ пыли ходячій,
Уродовъ спражь — народъ все нужный, дол-
жностной;

Такъ, часто я видалъ, что истинно иной
Въ два, въ три дни рѣшѣнъ лишь прибраться едва
успѣетъ,

За тѣмъ что въ хлопотахъ досуга не имѣетъ.
Лишь только мысль къ нему счастливая придетъ,
Вдругъ было шесть часовъ! уже карета ждетъ;

Пора въ театръ, а тамъ на балъ, а тамъ къ
Ліону (*),

А шутъ и ночь.... Когдажъ захватъ къ Аполлону?
На завтра лишь глаза опкроешь — ужъ билетъ:
На пробу въ пять часовъ..... Куда же? Въ модный
свѣтъ,

Гдѣ Лирикъ нашъ и самъ взялъ Арлекина ролю.
До Оды-ль шутъ? Тверди, скачи два раза къ
Кролю (**);

Потомъ опять домой: здѣсь холься да рядись,
А тамъ въ спектакль, и такъ со днемъ опять
проспись!

„Къ тому-жь, у древнихъ цѣль была, у насъ
другая :

Горацій, на примѣръ, воспоргомъ грудь пишая,
Чего желалъ? О! онъ — онъ бралъ не съ высока,
Въ вѣнахъ безсмертія, а въ Римѣ лишь вѣнка
Изъ лавровъ иль изъ миртъ, чтобъ Делія сказала:
Онъ славенъ, чрезъ него и я безсмертна спала!
А нашихъ многихъ цѣль — награда персень-
комъ,

Не рѣдко сто рублей, иль дружество съ Князь-
комъ,

Который опъ роду не чинывалъ другова,
Кромѣ придворнаго подчасъ мѣсяцослова;

(*) Содержатель въ Петербургѣ вольныхъ маскарэдовъ.

(**) Петербургской поршней.

Иль похвала своихъ пріятелей, а имъ
 Печальный всякой листъ бытъ кажется святымъ:
 Судяжь, сколь разные и тѣхъ и нашихъ виды,
 Навѣрно лѣзя сказать, не дѣлая обиды
 Решивымъ господамъ, питомцамъ Русскихъ Музъ,
 Что долженъ бытъ у нихъ и особый вкусъ,
 И въ сочиненіи Лирической Поэмы
 Другіе способы, особые приемы;
 Какіе же они, сказать вамъ не могу,
 А только объявлю — и право не солгу —
 Какъ думалъ о стихахъ одинъ спихотворитель,
 Котораго трудовъ Меркурій нашъ и Зритель (*)
 И книжный магазинъ и лавочки полны:
 „Мы съ риемами на свѣтѣ, онъ мыслилъ, рождены:
 Такъ не смѣшно ли намъ, Поэтамъ, согласиться
 На взморь въ хижину, какъ Демосеевъ, записаться,
 Читашъ да думашъ все, и то, что вздумалъ самъ,
 Рассказывать однимъ шумящимъ лишь волнамъ?
 Природа дѣлаешъ пѣвца, а не ученье;
 Онъ не учась ученъ, какъ придетъ въ восхищенье;
 Науки будутъ все науки, а не даръ;
 Потребный же запасъ: отвага, риемы, жаръ.“
 И вотъ какъ писывалъ Поэтъ природный Оду:
 Лишь пушекъ громъ подаетъ пріятну вѣснъ народу,
 Что Рымникскій Алкидъ Поляковъ разгромилъ,
 Иль Ферзенъ ихъ вождя Косцюшку полонилъ.

(*) П. Б. Журналы.

Онъ потчасъ за перо, и разомъ вывелъ : Ода!
Потомъ , въ одинъ присѣсць: *такого дня и года!*
„Тутъ [какъ?... Пою!... Иль нѣтъ, ужь это старица!
„Не лучше : Дажь мнѣ, Фебъ ? .. Иль такъ:
не ты одна

„Попа́ла подѣ́ пату́, о ча́лмо́сна́ Пор́та ?
„Но́ что́ же мнѣ́ прибра́тъ къ́ нейъ въ́ ри́ему ,
кро́мѣ́ чор́та ?

„Нѣтъ, нѣтъ! не хорошо; я лучше поброжу,
„И воздухомъ себя опкрытымъ освѣжу.“ —
Пошелъ, и на пуши такъ въ мысляхъ разсуждаетъ:
„Начало никогда пѣвцовъ не устрашаетъ;
„Что хочешь, то мели! Вотъ штука, какъ хвалишь
„Героя-то придетъ! Не знаю, съ кѣмъ сравнить?
„Съ Румянцовымъ его, иль съ Грейгомъ, иль съ
Орловымъ?

„Какъ жаль, что древнихъ я не чистывалъ! а съ
новымъ —

„Не ловко что — по всё. — Да просто напишу :
„*Ликуй, Герой ! ликуй ! Герой ты !* возглашу.
„Изрядно ! Тутъ же что ! Тутъ надобенъ восторгъ !
Скажу : *Кто заѣсу мнѣ вѣчности расторгъ ?*
„Я вижу молній блескъ ! Я слышу съ горня сеѣта
„И то, и то . . . А шамъ ? . . . Извѣстно : *много лѣта !*
„Брависсимо ! и планъ и мысли , все ужь есть !
„Да здравствуетъ Поэтъ ! Осталось присѣсть ,
„Да только написать , да и печатать смѣло !“
Бѣжитъ на свой чердакъ, черпигъ, и въ шляпѣ дѣло !

И Оду ужь его писненью предають ,
 И въ Одѣ ужь его намъ ваксу продають!
 Вотъ какъ пиндариль онъ , и всѣ ему подобны ,
 Едва ли вывѣски надписывать способны !
 Желалъ бы я , чтобъ Фебъ хощя во снѣ имъ рекъ:
 „Кто въ громкой славою Екатерининъ вѣкъ
 Хвалой ему сердецъ другихъ не восхищаетъ
 И лиры сладкою слезой не орошаетъ ,
 Тотъ брось ее , разбей , и знай; онъ не Поэтъ !“

Да вѣдаеть же всякъ по Одамъ мой клевреть ,
 Какъ дерзоспный языкъ безславиль насъ , ничпо-
 жилъ ,
 Какъ Лириковъ цѣнилъ ! Воспрянемъ ! Марсій ожилъ !
 Товарищи , къ сполу , за перья ! Опомспимъ ,
 Надуемся , напрёмъ , ударимъ , поразимъ !
 Напишемъ на него предлинную Сапиру ,
 И оправдаемъ пѣмъ Россійску громку лиру.

СОКРАЩЕННЫЙ ПЕРЕВОДЪ ЮВЕНАЛОВОЙ
САТИРЫ О БЛАГОРОДСТВѢ.

Скажи мнѣ, Понпикусъ, какая польза въ
шомъ,
Что ты, обиженный и сердцемъ и умомъ,
Богатъ лишь прадѣдовъ и предковъ образами,
Прославившихъ себя великими дѣлами?
Что видимъ ихъ вездѣ во храминѣ твоей?
Здѣсь Галба безъ носу, Корванусъ безъ ушей;
А тамъ, въ торжественной Эмилиѣ колесницѣ,
Съ лавровой вѣтвю и копьемъ въ деоницѣ;
Иль Куріи въ пыли, въ лоскутьяхъ на стѣнѣ?
Что прибыли, что ты, указывая мнѣ
Шестомъ иль хлыстиномъ на вѣтхіе портреты,
Которы у тебя копятся многи лѣты,
Надувшись, говоришь: „Смотри, вотъ пре-
докъ мой,
Начальникъ Римскихъ войскъ — великій былъ
Герой!
А это прадѣдъ мой, разумный былъ Диктаторъ!
А это дѣдушка, вотъ прямо былъ Сенаторъ!“
А самъ ты внучекъ что? Герои на стѣнахъ,
А ты предъ ними ночь всю пьянствуешь въ пи-
рахъ;

А ты ложишься спать тогда, какъ ты вставали
И къ бою со врагомъ знамена развивали.

Возможно-ль Фабію гордишься только тѣмъ,
Что предъ Иракловымъ (1) взлелѣявъ олшаремъ,
И съ жизнью получилъ названье Альборога,

Когда сей правнучекъ законный полубога
Чесплюбивъ и гордъ лишь славой праотца,

А самъ вялѣе, чѣмъ Падуйская овца?

Когда онъ дряблостью прапрадѣдовъ безславишь,

Когда его ихъ шлемъ обыкновенный давишь,

Коль тѣни самыя дрожащъ Героевъ сихъ

Съ досады, видя ликъ его между своихъ?

Надменный! пишла, родъ — пустое превосходство!

Но духъ, великій духъ — вотъ наше благородство!

Будь Кассій, Павелъ, Друзъ, но буди по
дѣламъ;

Показывай ихъ духъ, а не портреты намъ!

Когда въ тебѣ ихъ умъ, ихъ дѣльность, добры
нравы:

То, Консулъ ты иль иѣшь, достоинъ вѣчной
славы;

Ты знаменъ! и тогда съ Силаномъ на - равнѣ

Ты честь опечеству, и милъ, безцѣненъ миѣ;

Тогда возрадуюсь тебѣ, какъ Озириду (2)!

Но чтобы, истиннымъ Героямъ я въ обиду,

Ихъ недостойное исчадіе прочилъ?

Не будетъ! лбъ себя тѣмъ вѣчно посрамилъ.

Чшо имя? Развѣ нѣтъ всеневнаго примѣра,
 Чшо говорящѣ, сойдясь съ старухой: вошѣ Венера!
 А съ карлой: вошѣ Атлантѣ! и кличущѣ пигромѣ,
 львомѣ
 Негоднаго щенка съ обрубленнымъ хвостомѣ?
 Рубеллій! пренеци гордишься предковѣ чиномѣ:
 Не долго и тебя прозвать намѣ Кимериномѣ.

Ты споль возносишься порокою своей,
 Какъ будто самъ и блескъ и значность придалъ ей.
 Я родъ мой, говоришь, съ Цекропа начинаю;
 А ты изъ подлоспи, изъ черни! Уступую;
 Честъ предку швоему и должная хвала!
 Однакожь эта чернь намѣ Випію дала,
 Защишника въ правахъ безграмотна дворянства;
 Однакожь эта чернь, скажу еще безъ чванства,
 Даетъ блюшиселѣй законовъ намѣ, судей,
 Которы щаніемъ и шонкостью своей
 Для пользы общества ихъ узлы разрѣшающѣ,
 Иль темный оныхъ смыслъ не рѣдко обясняющѣ;
 И ежели Евфрашѣ среди своихъ береговъ
 Мятешся и дрожишѣ отъ имени орловъ;
 Когда вселенная покорствуетъ Римлянамъ:
 То шѣмъ одолжены мы храбрымъ Плебеянамъ.
 А ты, скажи мнѣ, чѣмъ опечеству служилъ,
 И чшо отъ древняго Цекропа сохранилъ?
 Лишь имя... О бѣднякъ! о значный мой повѣса!
 Ты шо же для меня, что испуканъ Гермеса:

Топь мраморный, а ты, къ безславію, живой —
Вопь вся и разнища у спашуи съ тобой.

Чѣмъ опличаюшся живошны, какъ не силой?
Одинъ конь быспрь, горячь; другой лѣнивой, хилой;
Того, кошорый всѣхъ на скачкѣ передитъ,
Слѣдами сыплетъ огонь и вихремъ пыль кру-
шитъ,
Мы хвалимъ, бережемъ и ежедневно холимъ;
А клячу за ничто продашь на торгъ опводимъ,
Хошябъ Гарпинова опродія была:
Равно и ты презрѣнъ, коль знашныя дѣла,
Копорыми твои прапрадѣды сіяютъ,
Лишь польно намъ твою ничтожность озаряютъ.
Достоинство другихъ намъ блеска не даетъ:
Опъ зданья опними сполны, — оно падетъ;
А скромный плющъ расцетъ безъ страха, и не
гнется,
Хопя и срубишь вязъ, вокругъ коего онъ вьется.

И такъ желаешь ли уваженъ быть, любимъ?
Знай долгъ свой: въ брани будь искусенъ и рѣ-
шимъ,
Въ семействѣ другъ, въ судѣ покровъ, защитникъ
правыхъ;
И лжесвидѣтелей, кпобъ ни были, лукавыхъ,
Забывъ и родъ и санъ и мощь ихъ, обличай;
За истину на все безшрепетно дерзай!

Хотя бы Фаларидъ, подвигнувъ адскимъ гнѣвомъ,
 Грозилъ тебѣ за то вола разженнымъ чревомъ;
 Нѣтъ нужды! извергъ шотъ, уродъ, не человекъ,
 Кто думаетъ продлить безчестіемъ свой вѣкъ!
 Пускай для нихъ полетъ свой оспановишь время;
 Но жизнь, должайша жизнь безъ чести тяжко
 бремя!

Такъ жизни-ль жертвовашъ, симъ нѣсколькимъ
 часамъ,

Тѣмъ самымъ, для чего и жизнь любезна намъ?
 Рубеллій! шотъ ужъ мершвъ, кто казни спалъ
 доспоинъ,

Хотя онъ и поднесъ надъ усприцами воинъ,
 Которыхъ сошнями глошаетъ на пирахъ;
 Хотя всякой день еще купается въ водахъ,
 Наспоенныхъ цвѣшовъ и амбры ароматомъ.

Когда же, наконецъ, ты хитростью, или
 златомъ,

Или и заслугами взойдешь на верхъ чesпей,
 Ставъ, на примѣръ, главой обширныхъ областей:
 Не будь, не будь своимъ предмѣспиникамъ по-
 добенъ,

Толикожь, какъ они, мздоименъ, гордъ и злобенъ;
 Не лей союзныхъ кровь, смягчай ихъ горьку чашъ,
 И въ правосудіи являй свою лишь власъ;
 Твори, что гласъ тебѣ законовъ возвѣщаетъ,
 И помни, что Сенатъ въ возмездье общаетъ:

Оплику, или громъ! Такъ, громъ, которымъ онъ,
За слезы вдовъ, сиротъ, за ихъ сердечный
стонъ,

Сразилъ Нумипора съ жестокимъ Капишомъ,
Сихъ алчныхъ кровопійцъ!... Увы! что пользы
въ ономъ,

Коль Панса грабитъ то, что Наппа поща-
дилъ?

Не долго ты, Керипъ, спокойствіе хранилъ;
Неси скорбь, бѣдникъ, домашніе уборы,
Весь скарбъ подъ молошкѣ, пока не придутъ
воры;

Продай все и молчи, а съ прозьбой не тащись:
Иль и съ послѣдними ты крохами проспись.

Хотя и въ старину не болѣе щадили
Друзей, которыхъ мы мечемъ усыновили;
Но имъ сноснѣй была опеческая власть:
Въ то время было что у дѣтокъ и украсъ;
Дома ихъ красились Мироновой работой,
Сіяли золотомъ еще, не позолотой;

Гдѣ кисть Парразія, гдѣ Фидія рѣзецъ
Оставили вѣкамъ въ изящномъ образцѣ,
А Верресу соблазнъ: шакъ! все сіе богатство
Украдкой перешло... какое святошество!...

Безстыдна Верреса съ Антоніемъ въ суда.
Нещастнымъ симъ принесъ миръ болѣе вреда,
Чѣмъ самая война! Но что похишишь нынѣ?
Заросшія поля, подобныя пусыни,

Съ десятокъ кобылицъ, иль пары двѣ воловъ...
 Бышь момеиъ, пасхуха, опеческихъ боговъ,
 Бышь можеиъ, индѣ бюстиъ — кумиръ уединенный:
 Добыча бѣдная! но имъ уроиъ безцѣнный,
 За шѣмъ, что это ихъ послѣднее добро!
 Грабишель! смѣла грабъ и злато и сребро
 Трусливыхъ Родіанъ, Коринѣанъ умащенныхъ —
 Чего бояться ихъ, всѣхъ въ роскошь погружен-
 ныхъ?

Но пощади жнецовъ, питающихъ нашъ градъ,
 Столицу праздности, позорищъ и прохладъ!
 Но Галла ты не шронъ, Ибернца также бойся;
 И что взять въ Африкѣ? О! шамъ, не безпо-
 койся,

Давно ужъ Марій (3) былъ. Спрашисъ, спра-
 шисъ привеситъ
 Въ опчаяннѣ людей, въ которыхъ сердце есть!
 Ты можешь захвашишь и дома ихъ и селы;
 Но вырвешь ли изъ рукъ ихъ щипъ, ихъ мечъ
 и стрѣлы?
 Булатъ, булатъ еще останется при нихъ.

Но обратимъ къ тебѣ, о Поншикусъ! нашъ
 стихъ.

Когда подвласные въ тебѣ увидятъ друга,
 Опца и судію; когда швоя супруга
 Не будетъ города и веси обшекать,
 Чшобы, какъ Гарпія, несчастныхъ хлѣбъ снѣдать:

Тогда, хоть Пикусовъ будь внучекъ, я согласенъ:
 Пожалуй выбирай изъ повѣстей и басенъ
 Любова въ прадѣды: пусть будетъ онъ Типанъ,
 Хоть самый Промеей — почту швой родъ и
 санъ.

Но если, ослабнѣвъ своимъ высокимъ саномъ,
 Ты будешь не судьей, — мздоимцемъ и тираномъ;
 Когда ты Ликпоровъ сѣкиры приступишь
 И руки кровію союзныхъ обagriшь:
 Тогда швой знаменый родъ прошивъ тебѣ воз-
 станетъ;
 Онъ первый на тебя проклятиемъ спрашнымъ
 грянетъ,
 И первый мерзоспи, ты коими покрытъ,
 Какъ яркій пламенникъ, предъ міромъ озаритъ.
 Преступникъ чѣмъ знаменъ, тѣмъ болѣе онъ
 виненъ!

Смотри какъ Дамазипъ и гнусенъ и без-
 чиненъ:

Вдоль мѣста, гдѣ его почіетъ предковъ прахъ,
 Лепитъ на шестернѣ, имѣя бичъ въ рукахъ!
 Смотри какъ званіемъ возницы онъ гордится!
 И кто же? Консулъ самъ! Кто болѣ осрамился?
 Конечно въ ночь его не спорожитъ никто;
 Но мѣсяцъ съ небеси, но звѣзды видятъ то!
 Увидимъ, погоди, и всѣ, коль скоро минетъ
 Срокъ Консульству его: тогда онъ шогу скинетъ,

И въ бѣлый день во всей предстанетъ слава
 намъ ,
 Возжами бѣя коней успалыхъ по бомамъ ;
 Тогда онъ спанетъ самъ ходитъ уже за ними ,
 И клясться будетъ онъ богами не иными ,
 Какъ лишь Гипоною (4) , висящей на стѣнѣ
 Въ конюшнѣ у него ! „Онъ молодъ, скажутъ мнѣ;
 „И мы вѣдь были тоже.“ Я и не спору , были!
 Но съ первой бородой себя перемѣнили.
 Срокъ буйства юныхъ лѣтъ быть долженъ коро-
 токъ .
 Согласенъ я и въ томъ , что слишкомъ томъ
 жестокъ ,
 Который молодость ни въ чемъ ужъ не прощаетъ ;
 Но Консула въ простишь? погость, кто посѣщаетъ
 Всѣ подлѣя мѣста , какія въ Римѣ есть ,
 Тогда какъ молодость , порода , долгъ и честь
 Зовутъ его на Рейнъ , на берега Дуная ,
 Въ Арменію , на Нилъ , гдѣ лавры пожиная ,
 Онъ могъ бы заслужить безсмертія вѣнецъ ?
 О Цезарь ! гдѣ найдешь вождей ты наконецъ ?
 Ищи , ищи ихъ впредь не въ сонмѣ оплечен-
 ныхъ ,
 Не въ Оспіи , — въ мѣстахъ , развращу посвя-
 щенныхъ ;
 Тамъ, тамъ ты ихъ найдешь въ толпѣ бродягъ ,
 рабовъ ,
 Между Цибелиныхъ неистовыхъ жрецовъ ,

При бубнахъ на полу простершихъ и храпящихъ;
 Всякъ первый, всякой бракъ въ вершепахъ сихъ
 смердящихъ ,

И все тамъ общее : столъ , чаша и постель ;
 Забышь самихъ себя , есть главная ихъ цѣль.
 Когда бъ ты, Понпикусъ, узналъ, что твоей слу-
 житель ,

Послѣдній самый рабъ , попалъ въ сію обитель ,
 Скажи мнѣ, какъ бы съ нимъ за это поступилъ?
 Конечно бы его на долго заключилъ

Въ Луканію , или въ Тосканскія (5) темницы !
 Чшожь тѣмъ , которые безчестятъ багряницы ?
 О вѣкъ ! что и бойцу вѣняющъ въ срамъ и
 спудъ ,

Тѣмъ могутъ щеголять Воллезіусъ и Брутъ !

Кто родомъ былъ знатнѣй Цешега, Капилины?
 Казалось , не было завиднѣй ихъ судьбины !
 Какой просторный былъ имъ къ славѣ предковъ
 слѣдъ !

Но чшожь? въ свирѣпости и Галловъ превзошедъ,
 Они оспрятъ мечи и раздувають пламя ,
 Чшобъ ночью , развернувъ мяшежническо знамя,
 Разрушить , сжечь дома и храмы, и весь Римъ !
 Но консулъ бодрствуетъ , преграды ставитъ
 имъ :

Спрежетъ ихъ всѣ шаги, согражданъ ободряетъ,
 И словомъ, не мечемъ республику спасаетъ.

Кпожъ эпотъ , кпо опвелъ опъ насъ враждеб-
ный рокъ?

Маркъ Тулліусъ , пришлецъ Арпинской , нови-
чокъ (6)!

Но Римъ его почпилъ не шѣми именами :

Онъ лавры Августа всегда кропилъ слезами ,

А Туллія опцемъ опечесства нарекъ.

Кпожъ , Понпикусъ , щецерь швой знашный че-
ловѣкъ?

По миѣ , такъ лучше будь попомкомъ шы Тер-
сипа (7) ,

Но съ мужеспвомъ , съ душей Ахилла имениша !

Примѣчанія къ Ювеналовой Сатирѣ.

(1) Что предъ Иракловымъ взлелѣянъ олтаремъ. Эвандръ въ честь Геркулесу воздвигнулъ храмъ, препоруча смотрѣніе надъ нимъ Фабіанову роду, который почиталъ себя происходящимъ отъ сего полубога.

(2) Тогда возрадуюсь тебѣ, какъ Озириду. Египтяне обожали Озирида въ образѣ своего Аписа, или вола; когда они его находили, то всеъ кричали въ голосъ: радость! радость! нашли его!

(3) Давно ужъ Марій былъ и проч. Сей Марій — не тотъ, который разбилъ Тевтоновъ и Кимбровъ — былъ Проконсуломъ въ Африкѣ. Сенатъ осудилъ его за грабительство въ ссылку; но область, имъ разоренная, никакого болѣе удовлетворенія не получила: половина изъ похищеннаго у него сокровища описана была въ казну, а другая оспалась у Марія, и онъ, будучи въ ссылкѣ, жилъ еще великолѣпнѣе, нежели въ своей Губерніи.

(4) Гипона, богиня покровительствующая конскимъ заводамъ.

(5) Въ Луканію, или въ Тосканскія темницы. Это были подземелья, называвшіяся у Римлянъ *ergastula*; почти каждый Римскій владѣлецъ имѣлъ въ помѣстьи своемъ подземелье, куда онъ, въ наказаніе, сажалъ своихъ невольниковъ.

(6) Маркъ Тулліусъ и проч. Цицеронъ родился въ мѣстечкѣ Арпинумъ. Римляне называли новичками всѣхъ тѣхъ, которые вышли въ знаменитость сами по себѣ, а не по предкамъ.

(7) По мнѣ, такъ лучше будь потомкомъ ты Терсита. Это былъ безобразный и малодушный Князь, упоминаемый въ Иліадѣ.

ЭПИГРАММЫ.

I.

Мнѣ Лѣкаръ говорилъ: Нѣтъ, ни одинъ больной
Не скажетъ обо мнѣ, что недоволенъ мной! —
„Конечно, думалъ я, никто того не скажетъ!
Смерть всякому языкъ привяжетъ!“

II.

За что Ликаста осуждаютъ,
Что вяло пишетъ онъ?
Имъ изданъ только Сонъ:
Когда же складны сны бываютъ?

III.

Завидна, я сказалъ, Терсипова судьбина:
Чинъ знатный, и что годъ, то дочь ему, иль сына! —
„Да! онъ не безъ друзей, опившсовали мнѣ,
И при Дворѣ и при женѣ.“

IV.

Я разорился отъ воровъ !
 „Жалбю о швоемъ я горбъ !“
 Украли пукъ моихъ стиховъ.
 „Жалбю я объ ворбъ !“

V.

Увы! — Дамонъ кричитъ — мнѣ Нина невѣрна!
 Лукавый полъ! швой даръ лишь только лицемѣритъ!
 Давно ли мужемъ мнѣ своимъ клялась она?
 „И мужемъ? . . . можноль не повѣритъ !“

VI.

О Бардусъ ! не глуши своимъ насъ лирнымъ зво-
 номъ (*):
 Молвь просто: человекъ . . . смѣсь Бардуса съ
 Невтономъ.

VII.

Хорошъ бы Фока былъ , да много говоритъ;
 Привыкши Турковъ битъ, онъ и своихъ моритъ.

VIII.

„Онъ вралъ — теперь не вретъ.“
 Вотъ эпиграфия , когда Бурунъ умретъ.

(*) Авторъ поэмы на человека.

IX.

Такъ , Бавій , шакъ ! спихи конечно и твои
На лекціяхъ пойдучъ въ примѣръ галимашьи.

X.

О тяжкой жизни договоръ!

О дщерь Полубоговъ! нѣтъ и тебѣ свободы!
Едва родилась ты, что пвой встрѣчаетъ взоръ?
Свивальники, сыропъ и оды!!

XI.

Кто какъ ни говори, а Нина безподобна!
Прелестна — въ спорону; но какъ она умна!
Съ какимъ познаньемъ! какъ скромна!
Какъ горлинка незлобна!
Какая добра мать; какъ любитъ всѣхъ друзей!
И мужа? — Ну . . . онъ сносенъ ей.

XII.

Поэпѣ Оргонѣ , хваля жену свою не въ мѣру ,
 Въ стихахъ своихъ ее съ Венерою сравнилъ.
 Безъ умысла женѣ онъ сдѣлалъ мадригалъ ,
 И эпиграмму на Венеру !

XIII.

Что легче перышка ? — „Вода , я опивѣчаю.“
 А легче и воды ? — „Ну воздухъ!“ Добрый знакъ !
 А легче и его ? — „Кокешка.“ Точно такъ !
 А легче и ее ? — „Не знаю.“

XIV.

Какъ ! Риеминѣ живѣ еще и пѣломѣ и душой ?
 А я уже сказалъ : ему и намѣ покой !

П Л А Н Ъ
Т Р А Г Е Д І И с ъ Х о р а м и .

С О Д Е Р Ж А Н І Е .

Лапландской Князь, женихъ Гренландскія Княжны,
Въ день свадьбы проспудясь, горячкой умираешъ.
Тревога, брачныя свѣчи погашены,
Споишь, слезы; наконецъ любовники оживаешъ.

П Р О Л О Г Ъ

*(Музыкантъ, приближаясь къ кулисамъ, даетъ
Актерамъ знакъ къ выходу:)*

Внемли и выступи, народъ,
Попарно свой устрой ходъ!

(Къ Актерамъ.)

Вы помнишь роль свою спарайтесь!

(Къ фигурантамъ.)

А вы! — вы съ шапты не сбивайтесь!

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Князь и Княжна.

Княжна.

О Князь! и такъ ты мой!

Князь.

А ты моя, Княжна!

Актъ кончится, и ты со мной сопряжена!

О боги! о судьба! о щастіе! о сладость!

Народъ! пляши и пой! дѣли со мною радость!

Хоръ.

Воспляшемъ, воспоемъ, донажемъ нашу радость!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Княжна.

Ты болѣнъ, милый Князь?

Князь.

Ознобъ во мнѣ и жаръ!

Княжна.

Увы!

Князь.

Прости! . . . прости!

(Умираетъ.)

Княжна.

Несноснѣйшій ударъ!

Зависпливая смерть! о рокъ безчеловѣчной!

Народъ! пляши и пой въ знакъ горести сердечной!

Хоръ.

Воспляшемъ, воспоемъ въ знакъ горести сердечной!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

(Геній спускается съ облаковъ среди грома
и молніи.)

Г е н і й.

Супругъ твой оживетъ: прерви, Царевна, спонъ!
Невинною прехъ Паркъ ошибкой умеръ онъ.

О Царь! будь паки живъ!

К н я з ь. (Встаетъ)

Мои ли это ноги?

Княжну ль еще я зрю? . . . О милосерды боги!

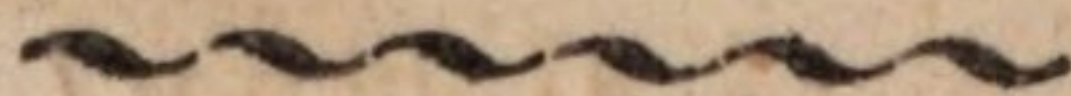
К н я ж н а.

Дражайшій Князь! пойдѣмъ, пойдѣмъ скорѣе въ
храмъ!

Народъ! пляши и пой похвальну пѣснь богамъ!

Х о р ь.

Воспляшемъ, воспоемъ похвальну пѣснь богамъ!

ТРИССОТИНЪ и ВАДІУСЪ.

Отрывокъ изъ Мольеровой Комедіи:
Les Femmes savantes.

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ V.

В а д і у с ъ

Вы истинный Поэтъ! скажѹ я безпристрастно.

Т р и с с о т и н ъ.

Вы сами рѣмы плеснь умѣете прекрасно.

В а д і у с ъ.

Какой высокій духъ въ Поэзіи у васъ!

Я часто вашу мысль опгадываю съ часъ.

Т р и с с о т и н ъ.

А вашъ въ Эклогахъ стихъ какъ простъ, неви-
ненъ, плавенъ!

И самый Теокритъ едважь вамъ будетъ равенъ.

В а д і у с ъ.

Ахъ! въ вашихъ Басенкахъ не меньше красоты;
Мы какъ условились срывать одни цвѣты.

Т р и с с о т и н ъ.

Но ваши бу-риме . . . о! эшо верхъ искусства!

В а д і у с ь.

А вѣ вашихъ Мѣлочахъ какой языкъ и чувства!

Т р и с с о т и н ь.

Когда бѣ опечесиво хопѣло васъ цѣнить . . .

В а д і у с ь.

Когда бѣ нашъ вѣкъ умѣлъ таланты ваши чинить...

Т р и с с о т и н ь.

Конечно бѣ васъ листомъ похвальнымъ наградили.

В а д і у с ь.

А вамъ бы монументъ давно соорудили.

Т р и с с о т и н ь.

Дождемся, можетъ быть. — Хошите ль, мой
Поэтъ,

Послушать спрофы двѣ?

В а д і у с ь.

Прочесъ ли вамъ Сонетъ

На прыщикъ Деліи?

Т р и с с о т и н ь.

Ахъ! мнѣ его чинали.

В а д і у с ь.

Извѣстенъ Авторъ вамъ?

Т р и с с о т и н ь.

Прозванья не сказали;

Но видно по стихамъ, что онъ Семинаристъ:

Какія плоскости! языкъ довольно чистъ,

Но вкуса вовсе нѣтъ; вы согласитесь сами.

В а д і у с ь.

Однакожь онъ хвалимъ былъ всѣми знапоками.

Т р и с с о т и н ь.

А я и имъ и вамъ еще сказать готовъ,
Что славный пошъ Сонетъ собранье — приемъ
и словъ,

В а д і у с ь.

Не много зависпи. . . .

Т р и с с о т и н ь.

Во мнѣ? Избави Боже!

Завидовашъ глупцамъ, и бышь глупцомъ — все
поже.

В а д і у с ь.

Сонетъ, сударь, хорошъ! скажу вамъ наконецъ;
А доказательство . . . я самъ его шворецъ.

Т р и с с о т и н ь.

Вы?

В а д і у с ь.

Я.

Т р и с с о т и н ь.

Не можешъ бышь; по чеспи эпо чудо!
Конечно мнѣ его чипали очень худо,
Иль я былъ развлеченъ. — Но кончимъ эпошъ
споръ;

Я вамъ прочшу Рондо.

В а д і у с ь.

Парнасскій, старый соръ,
Надъ коимъ лишь себя педанцамъ сродно мучишь.

Т р и с с о т и н ъ.

Такъ слѣдственно и вамъ не можеть онъ на-
скучить.

В а д і у с ъ.

Прошу, сударь, своихъ именъ мнѣ не давать!

Т р и с с о т и н ъ.

Прошу и васъ равно меня не унижать!

В а д і у с ъ.

Пошолъ, щасись, шугой, надушой умоборецъ!

Т р и с с о т и н ъ.

Пошолъ, ползи ты самъ, водяной риѣмошворецъ!

В а д і у с ъ.

Пачкунъ!

Т р и с с о т и н ъ.

Вешошникъ!

В а д і у с ъ.

Враль!

Т р и с с о т и н ъ.

Ругашель подъ рукой!

В а д і у с ъ.

Когда бы не былъ прусъ, ты былъ бы самъ шакой.

Т р и с с о т и н ъ.

Пошолъ провѣпривашъ лежалыя шворенья!

В а д і у с ъ.

А ты спупай, бѣги просишь у Музъ прощенья
За несстерпимый свой, прокляшый переводъ,
За изувѣченье Горація . . .

Т р и с с о т и н ъ.

Уродъ !

А ты каковъ съ твоимъ классическимъ поэтомъ?
Стыдись предъ справщикомъ, стыдись предъ цѣ-
лымъ свѣтомъ !

В а д і у с ъ.

Но ни одинъ журналъ меня не оглашалъ ,
А ты уже давно добычей кришкѣ спалъ.

Т р и с с о т и н ъ.

Я шѣмъ-то и горжусь , риемачъ , передъ побою:
Во всѣхъ журналахъ ты пренебреженъ съ толпою
Вралей , которые не спюютъ и суда ;
А я на воспреѣ пера ихъ завсегда ,
Какъ ихъ опасный врагъ !

В а д і у с ъ.

Такъ будь и мой опныиѣ ;
Сей часъ иду писать въ спихахъ о Триссопинѣ !

Т р и с с о т и н ъ.

И только ихъ прочшувъ зѣваючи друзья :
Пожалуй мучь себя , не испугаюсь я ,
И гряну самъ въ спихахъ !

В а д і у с ъ.

А мы имъ посмѣемся.

Т р и с с о т и н ъ.

Довольно ! я молчу ; на Пиндѣ разочтемся !

ПОСЛАНИЯ

I.

Отъ Англійскаго стихотворца Попа къ Доктору
Арбутноту.

Иванъ! запри ты дверь, защолкни, заложь,
И кто бы ни спучалъ, опказывай! Скажи,
Что очень болѣнъ я; скажи, что умираю;
Увѣрь, что умеръ я! какъ спряпаться, не знаю!
Откуда, Боже мой, писцовъ такой содомъ?
Я вижу весь Парнасъ, весь сумасшедшихъ домъ!
И тамъ, и здѣсь они встрѣчающся полпами,
Съ бумагою въ рукахъ, съ горящими глазами,
Всѣхъ ловящъ, всѣхъ къ себѣ и пянупъ и тащашъ,
И слушай ихъ иль нѣтъ, а оду прокричашъ!
Какой слѣпой, какою древъ мѣнью защишишься,
Чтобъ эшотъ скучный рой не могъ ко мнѣ про-
бисься?

Безперестанно онъ копышется вездѣ;
Гоняется за мной на сушѣ, по водѣ;
Заползываетъ въ гробъ, встрѣчаешся въ алеѣ;
Я въ церковь, онъ шудажъ! и что всего мнѣ злѣе,

Гонимый голодомъ и спужей съ чердака ,
 Не дастъ спокойно мнѣ и хлѣба съѣсть ку-
 ска!

То подлый стиховраль , въ котормъ , безъ
 рожденья

Иль смерти богача , нѣтъ силы воображенья ;
 То крупный господинъ , слагатель мѣлочей ;
 То авторъ въ чепчикѣ , то бѣдный дуралей ,
 Который , бывъ лишенъ чернильницы , въ за-
 мѣну

На привязи углемъ исписывалъ всю спѣну ;
 То молодой судья , на мѣсто членъ правъ ,
 Кропающій экспромтъ , до полночи не спавъ :
 Всѣ , всѣ — кто , возгордись моими похвалами ,
 Ктожь не доволенъ мной — дождятъ въ меня
 стихами !

И яжъ еще другимъ обязанъ дать отвѣтъ :
 Аршуру , для чего окопы въ дѣтихъ нѣтъ
 Къ судейству ! все стихи мои тому виною !
 А Корну , для чего онъ не прельщаетъ Клою.

О ты , безъ коего не могъ бы міръ узнатьъ ,
 Что спанутъ на меня и за меня пишеть ,
 Спаситель дней моихъ ! яви еще услугу
 Ты нынѣ своему признательному другу :
 Скажи , какъ съ этой мнѣ раздѣлась чумой ?
 Какое зелье глупцовъ отгонитъ рой ?

Часть I.

И что опаснѣй мнѣ, ихъ дружба, или злоба?
 Ахъ, видно не имѣшь опрады мнѣ до гроба!
 Какъ другъ, боюсь ихъ одъ; какъ недругъ, кле-
 вешы:

Тамъ скука, здѣсь вражда — и все страдаешь ты!
 Но кто шамъ? — „Кодръ.“ — Конецъ съ моею
 головою!

Съ спихами, какъ съ ножемъ, стоишь онъ надо
 мною.

Вообрази, мой другъ, къ чему я осужденъ!

Ты знаешь, что я лгать и льстить не сошворенъ:
 Молчать мнѣ — тяжело; назвать чистосердечно
 Писателя въ глаза вралею — безчеловѣчно;

А слушаешь вздоръ его — пошчасъ изобличусь.

Какая мука! Чпожь? взявъ кропкой видъ, сажусь,

Вздохнувши передъ нимъ, съ учтивоспью зѣваю,

Въ молчаніи бѣшусь; но наконецъ бросаю

Всѣ съ авторомъ чины, и прямо говорю:

„За вашу вѣжливоспъ ко мнѣ благодарю.

Вы съ дарованіемъ, однако . . . поддержите

Тетрадку вашу съ годъ.“ — Чшо вы сказашъ хо-
 шите?

Вскричалъ привыкшій въкъ перомъ своимъ чер-
 шить,

И по охотѣ врагъ, и по охотѣ жишь;

Привыкшій рѣмовашъ вседневно съ раннимъ
 свѣтомъ,

Покояся еще подъ авторскимъ намешомъ,

Котораго мохры, не оплешая прочь,
Цѣлуютъ нѣжные Зефиры день и ночь.
Годъ цѣлый! повторилъ: такъ вамъ не полюби-
лась?

Тѣмъ большая во мнѣ довѣренность родилась:
Возьмите же ее, и что угодно вамъ
Прибавьте, выкиньте, на все согласье дамъ.
„Могуль оспрады ждашь въ моей суровой долѣ? —
Другой мнѣ говоритъ — двѣ милоспи, не болѣ!
Вопервыхъ, дружеспва — попомъ же, сто руб-
лей!“ —

А вы кто? „Я въ числѣ Дамоновыхъ друзей,
И съ просьбой отъ него: вы съ Герцогомъ въ союзѣ;
Склоните взоръ его Дамона къ бѣдной Музѣ!“ —
Но вашъ почтенный другъ сто разъ меня бранилъ.
„Ахъ! сколькожъ онъ и слезъ раскаянія лилъ!
Уважьте просьбу вы, иль гнѣвъ его опасный:
Дамонъ издашелемъ журнала: *Безпристрастный*,
И къ Курлову (*) столу бываетъ приглашенъ.“ —
Что за пакетище! еще ли не взбѣшенъ?
Посмотримъ: „Скудныхъ силъ се плодъ ново-
рожденный,

Трагедія! Пока отецъ ея смиренный
Во мракѣ принужденъ отъ всѣхъ себя таить,
Благоволи отцемъ сиротки этой быть!“

(*) Лондонской книгопродавецъ.

Опять забота мнѣ! За правдубѣ онѣ озлился;
 Я промолчалъ. Съ другой онѣ просьбою явился:
 Отдашь ее играть! Я ожилъ; съ давныхъ лѣтъ
 Межъ скоморохами и мною связи нѣтъ:
 Трагедіи опказъ. Писатель раздраженный
 Кричитъ: „Да гибнетъ весь актеровъ родъ пре-
 зрѣнный!

А я сей часъ въ печать трагедію отдамъ;
 Пусть судитъ Публика! . . . Еще я съ просьбой
 къ вамъ:

Не лзя ли слова два сказать объ ней Линшо-
 пу?“ —

Какъ! этому спрамцу? И онѣ свою щедроту,
 Чшо не взялъ за печать, всѣмъ спанетъ возно-
 ситъ!

„Ну, хотъ поправъше же — вамъ скучно можетъ
 бытъ!

Но я (мнѣ на ухо) чшо выручу, все съ вами!“
 Признаться, шутъ его обѣими руками
 Я обернулъ къ дверямъ, примолвя: вотъ поклонъ
 Тебѣ за швой дѣлежъ! Теперь же . . . просимъ вонъ!

Мнѣ часто говорятъ: Ужъ бытъ бѣдѣ съ
 тобою!

Не шронъ ты шѣхъ и шѣхъ, не схватывайся
 съ шою! —

Какая нужда мнѣ до глупости людей?
 Пусть хвастаетъ оселъ длиной своихъ ушей,

Что можешь сдѣлать онъ? — Что можешь онъ?
лягашься!

Таковъ-то и глупецъ. — Я колокъ, можешь спастись;
ся;

Но можноль говорить о глупости слегка?

По крайней мѣрѣ мнѣ все сносишь дурака.

Неуспрашиваемый Кодръ! гдѣ есть тебѣ примѣры?

Весь свѣтъ прошивъ тебя: и логи и партеры!

Со всѣхъ сторонъ браняшь, зѣваютъ и свиспашъ,

И шляпы на тебя и яблоки лешашъ.

Ни съ мѣста! ты сидишь! Чеснь Кодру исполину!

Съ какимъ трудомъ паукъ мошаетъ паушину!

Смеши ее, паукъ опять начнетъ мошашъ:

Равно и рѣмача не думай обращаешь!

Брани его, спыди; а онъ, доколѣ дышетъ,

Пока чернила есть, перо, все пишешь, пишешь,

И гордъ своимъ шканьемъ — нѣтъ нужды, что оно,

Дохни, шакъ улешишь — враль мыслишь: мудроно!

Но впрочемъ, гдѣжь моя вина передъ глупцами?

Лишаю ль ихъ утѣхъ моими я стихами?

Кодръ меньше ль отъ того доволенъ самъ собой?

Преспалъ ли надувать Милордъ подзобокъ свой?

Разспался ли Цибберъ съ кокешной и папрономъ,

Которому онъ льстилъ? Моръ меньше ль Фран-
масономъ?

Не пошъ ли же Генлей орапоръ подлецовъ?

Не то же ль дѣйствіе Филипповыхъ стиховъ

Надъ сердцемъ и умомъ ученаго Прелата?

А Сафо... „Боже мой! оставишь ли хоть брата?

Не спрашноли вражду навлечь такихъ людей?“—

Страшибе во сто разъ имѣть изъ нихъ друзей.

Дуракъ, бранивъ меня, смѣшивъ, не досаждаешъ,

А ласкою своей бѣсится принуждаешъ:

Одинъ мнѣ помъ своихъ швореній приписалъ

И болѣ ста враговъ хвалою своею ругалъ;

Другой, съ перомъ въ рукахъ, моею славъ рыцаря

славы,

Ведешъ съ журналомъ бой; иной — какіе нравы!—

Укравъ мою шепрадь, печатаешъ опідаешъ;

Иной же ни на часъ покоя не даешъ,

Вездѣ передо мной съ поклономъ: *подпишися!*

А многіе еще — шеперь, мой другъ, дивися,

Какъ часто съ глупостью сходна бываетъ

лестъ —

И безобразіе мое мнѣ ставяшъ въ честь!

„Вашъ носъ Овидіевъ; вы также кривошея,

Какъ и Филипповъ сынъ, а съ глазъ...“ — Не

льзя умибъ!

Довольно ужъ, друзья! И шанъ въ наслѣдство

мнѣ

Лишь недоспашки ихъ остались однѣ.

Не позабудъте же, какъ слягу опъ безсилъ,

Представивъ почто шанъ лежавшаго Виргилъ;

А какъ умру, сказашъ, что также, наконецъ,

Скончался и Гомеръ, Поэзіи отецъ.

Откуда на меня рокъ черный начался?
 Почто я съ ремесломъ безвыгоднымъ спознался?
 Какой злой духъ меня перомъ вооружилъ?
 О небо! сколько мной попраченныхъ чернилъ!
 Но лъзя ль пропивишься влеченію природы?
 Отъ самой люльки я, въ младенческіе годы
 Невиннымъ голосомъ на риѣмахъ лепешалъ.
 О возрастъ щасливый, въ которомъ я собиралъ
 Цвѣшны, не думавъ бытъ уколотъ ихъ шипами,
 И удовольствія не воспоминалъ съ слезами!
 Но стихотворствуя, по крайней мѣрѣ я
 Не оправлялъ минутъ незлобнаго жишья
 Родителей моихъ. Моя младая Муза,
 Со добродѣтелью ища всегда союза,
 Наставида меня ее лишь только пѣшь,
 Въ бѣдахъ и горестяхъ перпѣніе имѣшь,
 Пишашъ признапельность, ничѣмъ незагладиму,
 Къ тебѣ, о нѣжный другъ! за жизнь, побой хра-
 ниму.

Но скажущъ: Для чего жъ въ печать онъ опи-
 даетъ?
 Ахъ, съ щастіемъ моимъ кто въ слабость не впа-
 дешъ?
 Вальсъ, тонкій сей знашокъ; Гренвиль, сей умъ
 шоль нѣжный,
 Сказали мнѣ: пиши, пишомецъ Музъ надеж-
 ный!

Тальботъ, Соммерсъ меня не презрили внимашъ,
 И важный Апшербуръ улыбкой ободряшъ;
 Великодушный Гартъ былъ мой пупеводишель;
 Конгревъ меня хвалилъ, Свифтъ не былъ мой ху-
 лишель;

И Болингброкъ, сей мужъ, достойный вѣчныхъ
 хвалъ,

Другъ сарца Драйдена, съ воспоргомъ обни-
 малъ

Въ опважномъ мальчикѣ грядущаго поэта.

Цвѣши же, мой вѣнокъ, ты безконечны лѣта!

Я щасливъ! я къ себѣ склонялъ безсмертныхъ
 взглядъ?

По нимъ и мой талантъ и сердце оцѣнятъ.

Чтожь послѣ мнѣ Бурнетъ и всѣ ему подобны?

Ты помнишь первые стихи мои незлобны:

Тогда еще не смѣлъ порокъ я порицать,

А только находилъ утѣху рисовать

Цвѣточки, ручеекъ журчащій средь долины;

Обидными кому споль милая карпины?

Однакожь и тогда Гильдонъ меня ругалъ.

Увы! онъ голоденъ, Богъ съ нимъ! я отвѣчалъ.

За крипику моихъ стиховъ я не сержуся:

Надъ вздорною смѣюсь, ошъ правильной учуся;

Но кто нашъ Аристархъ? кто важные судьи,

Кошорыхъ прешашъ должны стихи мои?

Обильные творцы бесплодных примѣчаній,
 Успавщики кавыкѣ, всѣхъ спрочныхъ препинаній.
 Терпѣньемъ, памяшью, они богаты всѣмъ,
 Окромѣ разума и вкуса; — между тѣмъ
 И мершвымъ и живымъ судъ грозный изрекають,
 Сіяніемъ чужимъ свой мракъ разсѣвають,
 И сбединеніемъ безвѣстныхъ сихъ именъ
 Съ славнѣйшими, дойдуть до будущихъ временъ.
 Такъ въ амбрѣ червяковъ мы видимъ и солому.
 Но кромѣ кришиковъ, уйду ли я отъ грому
 Писателей, и чѣмъ себя отъ нихъ спасать?
 И дѣльно! для чего ихъ цѣну открывать?
 Но Тирса я хвалилъ, а недоволенъ мною,
 За то, что слишкомъ Тирсѣ доволенъ самъ собою.
 Хваля писателя, попребно намъ открывъ
 Не то, каковъ онъ есть, но чѣмъ онъ хочетъ
 бытъ.

Увядшія красы поршреть всегда несходенъ;
 Ея и лобъ и глазъ, а говоритъ: негоденъ.
 Одинъ карачишся, надувшись дичь несеть,
 И то высокостью Поэзіи зоветь;
 Другой рисовкою бытъ хочетъ опличаемъ;
 Иной мешафорой, и вѣкъ непонимаемъ;
 А эшотъ, навсегда рассорся съ стыдомъ,
 До самой старости живеть чужимъ добромъ;
 Въ годъ собственныхъ стиховъ напишетъ намъ
 съ десятокъ,
 И то, чтобъ показать въ талантѣхъ недосшапокъ;

Обновы Музѣ шьютъ изъ разныхъ лоскушковъ ;
Щечится, прапшитъ скупъ, а все изъ бѣдняковъ !
Скажи же , что они удачно выбираютъ :
Какой поднимутъ вопль ! — Вотъ какъ пѣвцовъ
ругаютъ !

Всѣ въ голосъ закричашь: да и чего хошимъ?
И самый Аддисонъ прострѣленъ будетъ имъ. —
Пускай же мрутъ они въ безвѣстности пре-
зрѣнной!

Но если я скажу, что Авторъ есть почтенной:
Исполненъ разума, умѣющій равно
Какъ мыслить, такъ и жить, которому дано
Во словахъ пріятнымъ быть, въ швореніяхъ вы-
сокимъ

И ловкость свединяшь съ учениемъ глубокимъ ;
Онъ къ чести щекопливъ, въ изящное влюбленъ,
Рожденъ бытъ щаспливымъ, для славы сотворенъ,
Но думаетъ, какъ всѣ власпишели Евфраша,
Что крѣпко въ рукахъ удавкой только
братъ ;

Надмень кѣ соперникамъ, но въ сердцѣ кѣ нимъ
ревнивъ ;

Бранишь съ учтивостью, коварствуешь хвалишь;
Улыбкою грозить, лаская ненавидишь;

Украдкою язвишь, но явно не обидишь ;

Наукамъ долженъ всѣмъ, а гонишь ихъ въ другомъ;
На Пиндѣ онъ Министръ, въ Виндзорѣ оспрякомъ;

Считаешь крипику проспункомъ уголовнымъ ,
 Вершишь и властвуешь народомъ стихословнымъ
 Въ сенашикѣ своемъ, какъ другъ его *Катонъ* (*)....
 Смѣшесь ? — плачьте же : сей Авторъ . . .
 Аддисонъ.

Ахъ! кто не пораженъ симъ жалкимъ сочепаньемъ
 Споль малыя души съ споль рѣдкимъ дарованьемъ!

На что припворсшвовашь? Я самъ самолюбивъ,
 И обществу скучашь стихами не лѣнивъ!
 Конечно, и мои различныя творенья ,
 Въ лиспахъ и мокрыя, лишь шолько изъ писненья,
 Гуляють въ Лондонѣ у дрягилей въ рукахъ ,
 И пышный ихъ шишулъ приклеенъ на стѣнахъ
 По многимъ улицамъ ; но не боюсь улики ,
 Чшобъ, въ глупой гордоспи, хошѣлъ я санъ владыки
 Присвоить самъ собой надъ пишущей полпой ;
 Чшобъ новые стихи сбиралъ по московой :
 Они родятся , мрушъ , а я объ нихъ не знаю ;
 На лица эпиграммъ нигдѣ не распускаю ,
 И тайно ничего въ печать на опдаю ;
 Ни желчи на дѣла правительсства не лью
 Въ кофейныхъ , праздности народной посвящен-
 ныхъ ;
 Ни жребья не рѣшу піесъ новорожденныхъ ,

(*) Смерть Катона, Трагедія описываемаго здѣсь Ав-
 тора.

Въ партерахъ заводя и въ ложахъ заговоръ;
 И проза и стихи, и самыхъ Музъ соборъ,
 Все мнѣ наскучило и все я уступаю
 Отъ сердца Бардусу. — Но ксташи вспоминаю:

Какъ Фебъ средь чистыхъ дѣвъ сіяетъ съ
 двухъ холмовъ,
 Дебелый Меценатъ сидитъ въ кругу льстецовъ,
 И услаждается куренія ихъ паромъ;
 Святилище его, украшенно Пиндаромъ
 Съ опбишой головой, опверсто лишь тому,
 Кто пишетъ вопреки и сердцу и уму,
 И каждый враль въ него вступаеиъ безъ препоны.
 Оиъ вкуса Бардуса шамъ всѣ беруиъ законы;
 И чшобы разъ хопя попасъ къ его сполу,
 Иной по мѣсяцу поетъ ему хвалу.
 Таковъ - то Бардусъ нашъ! Однакожъ кто повѣ-
 ритъ,
 Чшобъ тотъ, который всѣ дары такъ вѣрно мѣ-
 ритъ,
 Такъ ловитъ, не нашелъ ихъ . . . въ Драйденѣ
 одномъ?
 Но знаиный господинъ съ ученъемъ и умомъ,
 Не завпра, такъ впередъ вину свою познаетъ:
 Онъ голодомъ моритъ, поцарски погребаетъ.

Вельможи! славьшеса хвалами риѣмачей;
 Дарите щедро тѣхъ, кто васъ еще шупѣй;

Любите подлость, ласку, невѣжество, Циббера,
 Кричите, что ему не видано примѣра;
 Пускай онъ будетъ *вашъ* любимецъ и герой,
 А добрый, милый Ге пусть остается *мой*!
 Дай Богъ не знать и мнѣ, какъ онъ, порабо-
 щенья! —

О если бы я могъ, безъ рабства, обольщенья,
 Почтеннымъ быть всегда въ почтенномъ ремеслѣ,
 Считатьъ весь міръ друзей въ умѣренномъ числѣ,
 Для утѣшенья ихъ употреблять всѣ силы,
 Чинать, что нравишься, а видѣшь, кто мнѣ милы,
 На знашнаго глупца съ презрѣніемъ смотрѣшь,
 И съ знашнымъ иногда свиданія имѣшь!
 Чего мнѣ болѣ? я къ большимъ дѣламъ несроденъ,
 Спокоенъ, безъ долговъ, доспатоковъ мой сво-
 боденъ;

Читаю *Отче нашъ*, пишу, и по трудахъ
 Я, слава Богу, сплю, не бредя о спихахъ;
 И живъ иль нѣтъ Деннисъ, не думаю ни мало.

Не написали ль вы что новаго? бывало
 Жужжаютъ мнѣ. Боже мой! какъ будто для письма
 Я только и рожденъ! Въ васъ право нѣтъ ума:
 Ужель я не могу чѣмъ лучшимъ заниматься?
 Пристроить сироту, о другѣ постараться.
 „Вы были съ Свифтомъ? Онъ мнѣ вѣспрѣшился
 сей часъ;
 Ужь вѣрно что-нибудь готовится у васъ?“ —

Божусь, что ничего; болшунъ и самъ божишся:
 „Не вѣрю! . . но вѣдь Поцъ въ стихахъ не
 ушайшся!“

И первый злой пасквиль, доспойный бытъ въ
 огнѣ,

Чрезъ два дни мой знапокъ приписываетъ мнѣ!

Увы! и самый даръ Виргилія несносенъ,

Когда невинности смиренной вредоносенъ,

Злословишь добраго и вводишь въ краску дѣвъ;

Пусть грянешъ на меня, не медля, Божій гнѣвъ,

Коль скоро уязвлю въ словахъ или на лирѣ

Хошя одиножды честнаго мужа въ мѣрѣ!

Но баринъ съ рабскою и низкою душой,

Скрывающій ее подъ ленною цвѣтшею;

Но злой, готовящій ковъ пагубный, но скрышной

Таланту, красотѣ невинной, беззащитной;

Но шаль, копорый всѣмъ щеславяся твердишь,

Что онъ мой Меценатъ, что я его Пѣишь,

Вездѣ мои стихи чишаешь и возносишь;

Когда же кто меня отъ зависти поноситъ,

Тогда онъ промолчишь, чѣмъ не нажить
 враговъ;

Который на часу и ласковъ и суровъ,

И ежели не золь, такъ враль, всегда готовой

И пайну разболтать для вѣспочки лишь новой,

И злой давая толкъ мной выданнымъ стихамъ,

Сказать: онъ мѣтилъ въ насъ, придворнымъ гос-
 подамъ:

Вотъ, вотъ мои враги! я вѣчный ихъ гонитель;
Я бичъ, я ужасъ злыхъ, но добрыхъ защищитель.

Спрашисъ меня Генлей! — Какъ! эпопѣ
часовой,

Минушный червячокъ подъ пылью золой?
Достойна ль бабочка бытъ въ морѣ попопленна?
Такъ раздавишь ногой ты червяка презрѣнна,
Который возгордясъ, что ночью свѣпипъ онъ,
Вездѣ ползетъ, лзвипъ и смрадомъ гонипъ вонъ,
Всѣ въ обществѣ цвѣты дыханьемъ иссушаетъ;
Съ утра до вечера Генлей перелешаетъ
Отъ Пинда къ Паѳосу, какъ вѣтреный Зефиръ:
Но хладенъ близъ красотъ, но глухъ къ со-
гласью лиръ.

Такъ выученный песъ предъ дичію вершился,
Теребитъ, но вонзипъ зубовъ въ нее боится.
Вглядисъ въ него: я быюсь съ тобою обѣ закладъ,
Какого рода онъ, не скажешь мнѣ въ попадъ!
Мущина, женциналъ? не то, и не другое,
Едваль и человѣкъ, а шакъ . . . что-то живое,
Которое всегда клевететъ иль поетъ,
Иль свещетъ, иль хулу и на Творца несетъ;
Премѣнчивая шварь: въ кокетствѣ хуже дамы,
То философствуетъ, то мечетъ эпиграммы,
Предъ женщинами враль, предъ Государемъ
льсонецъ,
Сердечкинъ и нахаль, и пышенъ и подлецъ.

Таковъ прекрасная былъ Еввы искуситель ,
 Невинности ея и рая погубитель :
 Взоръ Ангела имѣлъ сей ядовитый змѣй ,
 Но даже и красой онъ ужасалъ своей ;
 Для видовъ гордости привѣпливымъ казался ,
 И для щеславія смиреннѣе пресмыкался .

Но кто по чувствіямъ сердечнымъ гово-
 рилъ ,
 Привѣпливъ , а не подлъ , не гордъ , а сановитъ ,
 И знаеиъ безъ чиновъ , безъ знаиности и злата ?
 Поэтъ : Онъ ни за что не будетъ другъ раз-
 враша ;
 Всегда великъ душей и мыслями высокъ ,
 Ласкаетъ самимъ Царямъ считаеиъ за порокъ ;
 Онъ добродѣтели талантъ свой посвящаетъ ,
 И въ самыхъ вымыслахъ пріятно поучаетъ :
 Стыдился бытъ врагомъ совѣспниковъ своихъ ,
 Талантомъ лишь однимъ смиряетъ дерзость ихъ ;
 Съ презрѣніемъ глядитъ на ненависть безсильну ,
 На мщеніе крипики , на злость , вредомъ обильну ,
 На промахъ иногда коварства и хулы ,
 На ложную пріязнь и глупыя хвалы .
 Пускай сто разъ его ругаютъ и поносятъ ,
 И глупости другихъ на счетъ его опносятся ;
 Пусть безобразитъ кто , въ глаза его не знавъ ,
 Въ эстампѣ видъ его , иль въ сочиненіи нравъ ,
 И если не спихи , порочитъ ихъ уроки ;

Пускай не престаюшѣ сплетать хулы жесіони
 На прахѣ его опца, на изгнанныхѣ друзей;
 Пусть даже, наконецѣ, доводяшѣ до ушей
 И самаго Царя шишикалы придворны
 И толки злыхѣ обѣ немѣ и небылицы вздорны;
 Пусть вѣвѣкѣ помяшѣ его вѣ плачевнѣйшей судьбѣ,
 О добродѣтель! онѣ не измѣнитѣ тебѣ:
 Онѣ спраждешѣ за тебя, тобой и ушѣшаемѣ. —
 Но знашныи мной бранимѣ, но бѣдныи прези-
 раемѣ! —

Да! подлый человѣкѣ, кшобѣ ни былѣ онѣ такой,
 Есть подлѣ вѣ моихѣ глазахѣ и ненавидимѣ мной:
 Копейкуль онѣ укралѣ, иль близко милліона;
 Наемныи ли писецѣ, иль продавецѣ закона,
 Подѣ митрою ли онѣ, иль просто вѣ клубѣ,
 За краснымѣ ли сукномѣ сидѣшѣ, или вѣ шишакѣ,
 На колесницѣ ли торжественной гордишѣся,
 Иль по икру вѣ грязи по мостовой шатишѣся,
 Предѣ прономѣ, иль сѣ доской на площади спо-
 ишѣ.

Однакожѣ эіотѣ бичѣ, который всѣхѣ спра-
 шивѣ,
 Готовѣ на самого Денниса вѣ шомѣ сослалѣся,
 Чшо право онѣ не шюль ужасенѣ. Можешѣ спашѣ-
 ся,
 Призналсябѣ и Деннисѣ, когда бы совѣсшѣ зналѣ,
 Чшо даже и вралѣ онѣ бѣдностѣ облегчалѣ.

Часть I.

7

Кричатъ: „Попъ мспителенъ, Попъ въ гордоспи
примѣромъ!“

А онъ столь гордъ, что пилъ съ Тибальдомъ и
Цибберомъ!

А онъ столь мспителенъ, что и за цѣлый помъ
Ругательствъ, на него написанныхъ попомъ,
Ни капли не хотѣлъ чернилъ терять напрасно!
Въ угодность милой, шаль бранитъ его всечасно;
А онъ въ отмщенье желаетъ всей душой,
Чтобъ эта милая была его женой.

Но пусть Попъ виноватъ, и спойтъ осужденья:
За что жъ бранитъ его виновниковъ рожденья?
Кто смѣлъ обидчикомъ отца его назвать?
Злословила объ комъ его смиренна мать?
Не проньте жъ, подлецы, вы родъ его почтенной:
Онъ будетъ знаменитъ, доколѣ во вселенной
Воздася должная, правдивая хвала
За добрые спихи и добрыя дѣла.

Родители его другъ съ другомъ были сходны:
И родомъ и душой не меньше благородны;
А предки ихъ, любовь къ Ошечеству храня,
Отваживали жизнь средъ браннаго огня. —
Но что достатокъ ихъ? — Не мздой приобрѣ-
тенный,
Законный: сей отецъ, мной вѣчно незабвенный,
Наслѣдникъ безъ обидъ, безъ спѣси дворянинъ,
Супругъ безъ ревности, и мирный гражданинъ,

Шелъ тихо по пупи незлобиваго вѣка ;
 Онъ въ судъ ни одного не позвалъ человека ,
 И кляпвой ложныхъ правъ нигдѣ не утверждалъ ;
 Онъ много о своихъ познаньяхъ не мечталъ ;
 Вишійснво все его въ томъ только соспоало ,
 Что сердце завсегда словами управляло ;
 Учпивъ по доброшѣ , отъ опытовъ ученъ ,
 Здоровъ отъ презвостн , трудами укрѣпленъ ,
 Онъ знакомъ старости имѣлъ однѣ сѣдины .
 Отецъ мой долго ждалъ часа своей кончины ;
 Но скоро , не помясь , духъ Богу возвратилъ ,
 Какъ будто сладкимъ сномъ при вечерѣ почилъ .
 Создатель ! дай его признательному сыну
 Подобно жишю , подобную кончину ,
 То въ зависть приведетъ и Царскихъ онъ дѣтей .

Довольствуйся, мой другъ, безпечностью своей;
 А мнѣ , лишенному спокойства невозвратно ,
 Мнѣ съ меланхоліей бесѣдовать пріятно .
 О ! если бы могла сыновняя любовь
 Хошя у матери согрѣшь остылу кровь ,
 Прибавишь жизни ей , и на краю могилы
 Поддерживать ея скудѣющія силы ,
 Покоишь , утѣшаешь до смертнаго часа ,
 И опдалишь ея полетъ на небеса !

II.

КЪ Г. Р. ДЕРЖАВИНУ,

ПО СЛУЧАЮ КОНЧИНЫ ПЕРВОЙ СУПРУГИ ЕГО.

Державинъ! пылъ сосудъ печальный, но драгой,
Объемлешь и кропишь сердечною слезой?
Твою ли вижу я на кипарисѣ лиру,
И швой ли гласъ зоветъ безцѣнную Плѣниру?
Зоветъ ее, и вдругъ пускаетъ вопль и стонъ?
О участь горькая! о тяжоспный уронъ!
Разспался ты съ своей возлюбленною вѣчно!
Проспи, сказалъ ей въ слѣдъ, веселіе сердечно!
Рыдай, Пѣвецъ, рыдай! тебя ли утѣшаютъ?
Ахъ, нѣтъ! я самъ съ тобой душой хочу спешить.

Достойна вѣчныхъ слезъ столь милая супруга:
Три люстра видѣлъ ты вѣриѣйшаго въ ней друга;
Три люстра ты ея прельщался красотою,
Умомъ и чувствами и ангельской душой.
Сколь часто, бывъ ея дѣяніямъ свидѣтель,
Въ восторгъ мыслилъ я: „краса и добродѣтель!“

Ахъ! если бы всегда встрѣчались вмѣстѣ намъ!,,
Сколь часто заспавалъ сиротку и вдовицу,
Лобзавшихъ щедрую Плѣнирину десницу!

Сколь часто, въ пишинѣ, по зимнимъ вечерамъ,
Пріятною ея бесѣдой научался,

Дышалъ невинностью, и лучшимъ возвращался —
Довольнѣй и добрѣй. — въ смиренный домикъ мой!

Бывало, ясною соуплснвуемъ луной,

И въ мысляхъ проходя всѣ наши разговоры,

Къ жилищу своему еще спремилъ я взоры,

Спремилъ, и съ чувствіемъ сердечнымъ восклицалъ:

Блаженъ ты, добрый мужъ! ты ангела снискалъ!

И гдѣ жъ сей ангелъ днесъ? и гдѣ твое блаженство?

Увы! все въ мірѣ семъ мечта, несовершенство?

Твой ангелъ къ своему началу воспарилъ,

И рокъ печаль и плачь въ храмъ щасья поселилъ!

Теперь ты во своихъ черпогахъ какъ въ пусынѣ,

И въ людствѣ сирота! ужь не съ кѣмъ наединѣ

И скуку и печаль и радость раздѣлишь;

Къ кому сердечныя въ грудь тайнства пролишь?

Кто опягченный умъ заботами, трудами,

Утѣшитъ, облегчитъ нѣжнѣйшими словами?

Кто первый поспѣшитъ дать искренній совѣтъ?

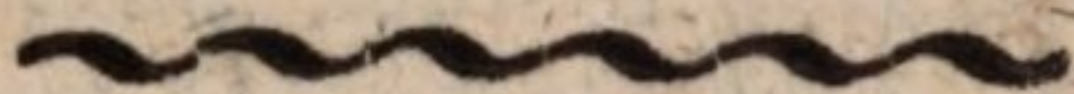
Кто первый по тебѣ отъ сердца воздохнетъ?

Кто первый ободритъ безсмертной лиры звуки,

И прежде всѣхъ проспретъ тебѣ, встрѣчая,
руки?

Кѣ кому теперь , кѣ кому въ обвѣстія лѣтѣть ?
 Что дѣлать , что начать?.. крушиться и терпѣть!
 Конечно такъ судьбы всемогущи предписали ,
 Чтобъ счастье и напасть позналъ ты , сынъ пе-
 чали !

Но воззримъ кѣ Вышнему — Кпо маніемъ очесъ
 Волнуетъ Океанъ , колеблетъ сводъ небесъ ,
 И солнцы и міры творитъ и разрушаетъ :
 Тотъ спраждующихъ цѣлитъ , упавшихъ подни-
 маетъ.

III.

КЪ Н. М. КАРАМЗИНУ.

Не скоро ты, мой другъ, дождешься пѣсней
новыхъ

Отъ музы моея; ни Фавны рощъ дубовыхъ,
Ни Нимфы дикихъ горъ и бархатныхъ луговъ,
Ни боги свѣплыхъ рѣкъ и тихихъ ручейковъ
Не слышали еще имъ незнакомой лиры.
Подъ мракомъ грозныхъ тучъ играють ли Зефиры?
Поютъ ли зяблица, какъ бури заревутъ
И съ гибкаго куста гнѣздо ея сорвутъ;
До пѣсней ли и мнѣ подъ гнетомъ рока злова?
Еще дымился пепелъ опеческаго крова,
Еще смущенна мысль все бродитъ въ тѣхъ мѣ-
стахъ,
Недавно гдѣ землѣ навѣки преданъ прахъ,
Прахъ старца (*), для меня полино драгоцѣнна!

Какихъ же пѣсней ждешь отъ сердца огор-
ченна?

Печальныхъ — но почто мнѣ Граціямъ скучашъ,

(*) Авторъ лишился тогда роднаго своего дяди П. А. Б.

Когда швой нѣжный гласъ ихъ будетъ услаждать?
 Пускай они швое Посланіе (*) читають
 И розовой вѣнокъ любимцу соплѣтають;
 Пускай Херасковъ, мужъ, ошъ дѣспва чшимый
 мной,
 То въ міръ фантазіи пунъ кажетъ за собой,
 То къ райскимъ красотамъ на небо восхищаетъ,
 То на цвѣщій брегъ Пеней провождаетъ,
 И даже въ зиму дней умомъ еще цвѣтя,
 Манишь на лирный гласъ крылатое дитя,
 И съ крошечью влечетъ, нѣжнѣйшихъ чувствъ
 владѣтель,
 Любитъ поэзію, себя и добродѣтель.
 Пускай Державинъ всѣхъ въ восторгъ приводитъ
 духъ:
 Пускай молодой герой, къ нему склоняя слухъ,
 Пылаетъ и дрожитъ, и ищетъ алчнымъ взгля-
 домъ
 Копья, чшобы лешъ попрысать землей и адомъ.

Пришворсва и въ стихахъ казать я не хочу:
 Поѣмся миѣ, пою; невесело, молчу
 И слушаю другихъ, иль взявши посохъ въ руку,
 Въ поляхъ и по горамъ разсѣваю скуку;
 Разнообразности Природы тамъ дивлюсь,
 И сколько слабѣе съ нее снимаешь учусь.

(*) Посланіе къ женщинамъ.

Какъ Волжанинъ, люблю близъ водъ искапъ про-
хлады;

Люблю съ угрюмыхъ скалъ греящи водопады;

Люблю и озера спокойный, гладкой видъ,

Когда его стекло вечерній лучъ зашипъ.

А временемъ идя — куда, и самъ не зная —

Чрезъ холмы, чрезъ лѣса, не видя сѣнямъ края

Подъ сводомъ зелени, вдругъ на - свѣтъ вы-
хожу

И новую для глазъ картину нахожу:

Открытыя поля подъ золотою нивой!

Вездѣ блестятъ серпы въ рукѣ трудолюбивой!

Какой пріятный шумъ! какая пестрота!

Здѣсь взрослый, шумъ старикъ, съ нимъ ря-
домъ

красота;

Кто жнетъ, кто вяжетъ снопы, кто подбираетъ
класы;

А дѣши между тѣмъ, Амуры свѣшловласы,

Украдкой по снопу, играючи, берутъ,

Крехтятъ подъ ношею, другъ друга ею прутъ,

Валяюся, вспаютъ, и усмотря цвѣточикъ,

Веѣ врознь къ нему лепятъ, какъ Майской вѣпе-
рочикъ.

Ахъ! я и самъ готовъ за ними въ слѣдъ ле-
тѣть!

Уже не долго мнѣ и на цвѣты смотрѣть;

Уже я съ каждымъ днемъ чего-нибудь лишаясь.
Иду подъ тѣнь кустовъ, — спуплю и возвра-
щаюсь

Съ поникшей головой: тамъ нѣтъ ужь соловья!

Сего дня у пруда остановился я:

И ласпочки надъ нимъ кружились, вились,

И сѣры облака по небесамъ неслись.

Ахъ! скоро, милый другъ, неистовый Эолъ

Помчится на крылахъ, шумящихъ съ горъ на долъ,

Завоешь, закушишь, кусты къ землѣ приклонишь,

Свинцовые валы на озеро нагонишь,

Въ пещерахъ заревешь и засвистишь въ дуплахъ,

И съ воздухомъ смѣсишь и лисствія и прахъ:

День, два, и можешь быть цвѣточка не заспану;

День, два, и можешь быть... какъ знаешь?...
и самъ увяну!

IV.

КЪ ГРАФУ НИКОЛАЮ ПЕТРОВИЧУ
РУМЯНЦОВУ.

Что можетъ болѣе порадовать пѣвца,
Какъ въ лестный даръ принять отъ сына
Почтенный ликъ его безсмертнаго отца!

Мнѣ не дозволила судьбина

Быть подвиговъ его пѣвцомъ;

Въ то время какъ мешалъ онъ молнію и громъ,

Я бѣдный рапникъ былъ, не болѣ,

И видѣлъ не Парнасъ, но ратное лишь поле;

Я только пѣнію Пепрова соплекалъ,

Который звучною трубою

Сквозь мрачны вѣки пулъ Герою

Въ храмъ славы опверзалъ.

Но могъ-либъ я и днесъ быть чести сей досто-
инъ?

Довольно и того мнѣ жребія въ удѣлъ,

Что рядовой на Пиндѣ воинъ,

Давно желанный ликъ Героя приобрѣлъ:

Украшу имъ свою смиренную обитель,

И глядя на него, я въ мысляхъ буду зришель

Поверженныхъ градовъ Россіи ко споамъ ,
 Дрожащихъ Агарянъ , окованныхъ Сарматовъ

И гибели по всѣмъ мѣстамъ

Надменныхъ сопослаторовъ ;

А если отъ такой каршины упомлюсь ,

Тогда я къ сыну обращусь ,

И потчасъ грустну мысль разсѣетъ лучъ спо-
 койства :

Забуду вмигъ слѣды печальные геройства ,

И сладостной плѣненъ мечтой ,

Увижу въ райскомъ восхищенъѣ

Всеобще дружество , любезность , просвѣщенъе ,

Весь міръ одной семьей , и всюду вѣкъ златой.

V.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ МОИМЪ,
ПО СЛУЧАЮ ПЕРВАГО СЪ НИМИ СВИДАНІЯ
ПОСЛА МОЕЙ ОТСАВКИ.

Въ Москвѣль я, наконецъ? со мною ли друзья?
О родась и печаль! различныхъ чувствъ смѣ-
шенъе!

И такъ еще имѣлъ я въ жизни утѣшенъе
Внимаъ журчанію домашняго ручья,
Вкусиъ покойный сонъ подъ кровомъ, гдѣ ро-
дился,

И бытъ въ объятіяхъ родителей моихъ!
Не сонъ ли былъ и то?... Увидѣлъ и проспился,
И можешъ бытъ уже въ послѣдній видѣлъ ихъ!
Но полно, эшошъ день не помрачимъ поскою.
Гдѣ вы, мои друзья? сберитесь предо мною;
Дай каждый мнѣ себя сто разъ поцѣловать!
Прочь посохъ! не хочу васъ болѣ покидать,
И вошъ моя рука, что буду вашъ опныиѣ.

Сколь часто я въ шуму веселій воздыхалъ,
И вздохи бѣднаго терялись какъ въ пусшынѣ,
И тайной грусти въ немъ нишо не замѣчалъ!

Но ежели вашъ другъ , во дни разлуки слезной ,
 Хоть однажды могъ совѣтъ подать полезной ,
 Спокойствіе души вдовицѣ возврашшь ,
 Наслѣдье сироты отъ хищныхъ защишшь ,
 Спасши невиннаго , то все позабываетъ —
 Довольно: другъ вашъ здѣсь и васъ онъ обнимаетъ.

Но буду ли, друзья, по прежнему вамъ милъ?
 Увы! уже во мнѣ жаръ къ пѣнію простылъ ,
 Ужъ въ мысляхъ нѣтъ игры, исчезла прежняя жи-
 воспѣ !

Простышель . . . иногда мою вы молчаливоспѣ ,
 Мое уныніе? — Терпите , о друзья ,
 Терпите хоть за то, что къ вамъ привязанъ я;
 Что сердце приношу чувствительно, незлобно ,
 И болѣе еще ко дружеству способно.

Теперь его ничто не отвлечетъ отъ васъ ,
 Ни честолюбіе, ни блескъ прелестныхъ глазъ...,
 И самая любовь навѣки отлестѣла !

И такъ, владѣйте впредь вы мною безъ раздѣла;
 Пишайте спрасъ во мнѣ къ изящному всему ,
 И дайте вновь полетъ таланту моему.

Означимъ оспальной нашъ путь еще цвѣтами !
 Гдѣ нѣтъ коварныхъ ласкъ съ прищворными сло-
 вами ,

Гдѣ сердце на рукѣ (*), гдѣ разумъ не язвитъ ,

(*) Древніе представляли Дружбу въ образѣ женщины ,
 держащей на ладони сердце.

Тамъ другъ вашъ и поднесъ веселья не бѣжитъ.
 Такъ , братья , данные природой мнѣ и Фебомъ!
 Я съ вами радъ еще въ саду, подъ яснымъ небомъ,
 На зелени въ кустахъ душистыхъ пировать;
 Вы спанете своихъ любезныхъ воспѣвать,
 А я . . . хопъ вашими дарами восхищаться.
 О други! я впередъ ужъ веселъ! можетъ спастъся,
 Примѣръ вашъ воскреситъ и мой погибшій даръ.
 О еслибъ воспылалъ во мнѣ Пермесскій жаръ!
 Съ какою бѣ радостью схватилъ мою я лиру,
 И благъ моихъ творца всему повѣдалъ міру!
 Да будетъ щастіе и слава вѣчно съ нимъ!
 Ему я одолженъ пристанищемъ моимъ,
 Гдѣ солнце дней моихъ въ безмолвьи закапится,
 И мой послѣдній взоръ . . . на друга устремится.

НАДПИСИ.

1.

Къ вѣстѣ Императора АЛЕКСАНДРА I.
 Пошомство! Россіянѣ завидуй торжеству:
 Монархѣ ихѣ возвращилѣ народамѣ чуждымѣ правы;
 Европѣ мирѣ; Царямѣ достоинство державы,
 И храмы Божеству.

2.

Къ портрету Ивана Ивановича Шувалова.
 Съ цвѣтущей младости до сребренныхъ вѣсовѣ
 Шуваловѣ бѣднымѣ былѣ полезенѣ;
 Таланту каждому покровѣ;
 Почтенѣ, доступенѣ и любезенѣ.

3.

Князя Италійскаго.

Суворова здѣсь ликѣ Искусство начертало,
 Да вѣдающѣ его грядущи времена:
 Единая царства имѣ не стало (*),
 А шлемѣ корона ошдана.

(*) Польша.

4.

КЪ ЕГО ЖЕ ПОРТРЕТУ.

Се Россѣ, Агарянѣ бичѣ, Сармаповѣ покоритель,
Защитникѣ Австріи, Италіи спаситель.

5.

КЪ БРОНЗОВОЙ СТАТУѢ ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА РУ-
МЯНЦОВА - ЗАДУНАЙСКАГО, ПОСТАВЛЕННОЙ ГРАФОМЪ
ЗАВАДОВСКИМЪ ВЪ ЕГО ДЕРЕВНѢ.

Почтенный ликѣ! когдабѣ ты былѣ изображенѣ
Сѣ перуномѣ пламеннымѣ на берегахѣ Кагула,
Гдѣ гордый Мусульманѣ разтерзанѣ, низложенѣ,
И гдѣ земля въ крови несчастныхѣ жертвѣ понула;
Тогда бы на тебя взирая, каждый рекѣ:

Румянцовѣ славный Вождѣ! — и мимо бы прошекѣ.
Но здѣсь, здѣсь всякѣ тебя прохожій лобызаетѣ:

Здѣсь не Герой въ тебѣ блистаетѣ,
Прославившій себя единою войной,
Обрызганѣ кровію враговѣ среди сраженій;

Но другѣ, но ближній мой
И благотворный Геній!

6.

КЪ ПАМЯТНИКУ МОРЕХОДЦА ШЕЛЕХОВА.

Какѣ царства падали къ стопамѣ ЕКАТЕРИНЫ:
Россѣ Шелеховѣ, безѣ войскѣ, безѣ громоносныхѣ
силѣ,

Пустился въ новый свѣтѣ чрезѣ бурныя пучины,
И при народа(*) Ей и Богу покорилѣ.

(*) Ахмохмешы, Коряки, Афогнаки, которыхѣ боль-
шая часть обращена въ Христіанскую вѣру.

КЪ ПОРТРЕТУ ГРАФА ВИТГЕНШТЕЙНА.

Цѣлуйте вы сей ликъ
О мапери семействѣ , и вы опроковицы !
Не спрашенъ болѣ врагъ спокойствію Сполицы:
Суворова стоишь на спражѣ ученикъ (*).

КЪ ПОРТРЕТУ ДРЕВНЯГО РУСКАГО ИСТОРИКА
НЕСТОРА.

Поспигнувъ съ юныхъ лѣтъ щещу и скоропеч-
носъ ,
Сей инокъ житіе пустынное избралъ ,
И кроясь отъ живыхъ , онъ взоромъ обнималъ
Минувшее и вѣчность.

МИХАИЛА МАТВѢЕВИЧА ХЕРАСКОВА.

Пускай отъ зависти сердца въ Зоилахъ ноюшь ;
Хераскову они вреда не нанесушь :
Владимірѣ , Іоаннѣ щитомъ его покроюшь ,
И въ храмъ безсмертья проведушь.

(*) Въ первую кампанію послѣдней съ Французами войны, Графъ Витгенштейнъ споялъ съ корпусомъ своимъ между Ригой и Псковомъ.

Гавріила Романовича Державина.

Державинъ въ сихъ чертахъ блистаетъ ;
 Потребно ли здѣсь больше словъ
 Для тѣхъ , которыхъ восхищаетъ
 Честь , правда и языкъ боговъ ?

Н * * А * * Бекетову.

Воспитанникъ любви и щастія богини,
 Онъ сердца своего отъ нихъ не развратилъ ;
 Другихъ обогащалъ , а самъ какъ Спойкъ жилъ ,
 И умеръ посреди безмолвныя пустыни.

НАДГРОБІЯ.

I.

Петру Дмитріевичу Еропкину, бывшему Московско-
му Градоначальнику.

Здѣсь добрый Еропкинъ, свершивъ свой жизни
кругъ,

На время опочилъ, какъ солнце лучезарно.

Бышь можешъ, нѣкогда попомство благодарно
Воздвигнешъ обелискъ во мзду его заслугъ;

Бышь можешъ!... между пѣмъ смиренный Музъ
любитель

Принесешъ въ дань ему, что въ силахъ: только
спихъ.

Москва! онъ говоришъ, се твой второй спаси-
тель (*)!

Москва! Римъ древній живъ... въ герояхъ лишь
своихъ.

(*) Надѣюсь, что всѣмъ читателямъ моимъ памятенъ
патріотическій подвигъ его, при случаѣ возмущенія
Московской черни въ 1771 году.

II.

Не дрогнешь начертать на камнѣ семъ рѣзецъ :
Здѣсь прахъ смиренныя жены, опшедшей къ
Богу ;

Свѣтъ суешный обѣ ней забудетъ наконецъ ,
Но бѣдный и сюда откроешь къ ней дорогу ,
И теплую слезу въ уплату принесешь :
Плошь гибнешь , но добро изъ рода въ родъ жи-
вешь.

III.

МАТЕРИ И СЫНУ.

Здѣсь мать двухъ близнецовъ почилъ въ цвѣтѣ
дней ;

Одинъ на часть отца, другой оставленъ ей.

IV.

Когда и дружество спруило слезъ пошюки ,
На мраморѣ сіи начерпывая строки ;
Чпюжь должны чувствовашь, увы! отецъ и мать?...
О небо ! и дѣшей ужасно намъ желать !

V.

В — И — С.

Бышь можешь, мудреца сей памятникъ не про-
нешь ,
Но другъ къ нему проспретъ умильный, слезный
взглядъ ;

Но добрый, нѣжный сынъ всегда надъ нимъ воз-
спонетъ,
И бѣдный . . . вспомнитъ часъ оправдъ.

VI.

И. О. Богдановичу, Автору Душеньки.

Привѣсьте къ урнѣ сей, о Граціи! вѣнецъ:
Здѣсь Богдановичъ спитъ, любимый вашъ пѣвецъ.

VII.

Ему же.

Въ спокойствіи, въ мечтахъ шекли его всѣ
лѣта,
Но онъ внимаемъ былъ Владычицей полсвѣта,
И въ памяти его Россія сохранилъ.
Сынъ Феба! возгордись: здѣсь Музъ любимецъ
спитъ.

VIII.

Ему же.

На урну преклонясь вечернею порою,
Амуръ невидимо здѣсь часто слезы льетъ,
И мыслилъ, опягченъ поскою:
Кто Душеньку теперь такъ мало воспоетъ?

Ө — М — Д.

Любезнаго и прахъ останесяль безвѣстнымъ ?
 Дубянского былъ даръ : гармоніей прельщашъ ;
 Спрасъ : дружба и любовь ; законъ : быть доб-
 рымъ честнымъ ;
 А жребій : бурну жизнь въ пучинѣ (*) окончашъ.

X.

В. — Г — В.

Здѣсь тихая могила
 Прахъ юноши взяла ;
 Любовь его сразила ,
 А дружба погребла.

(*) Онъ упонулъ въ Невѣ.

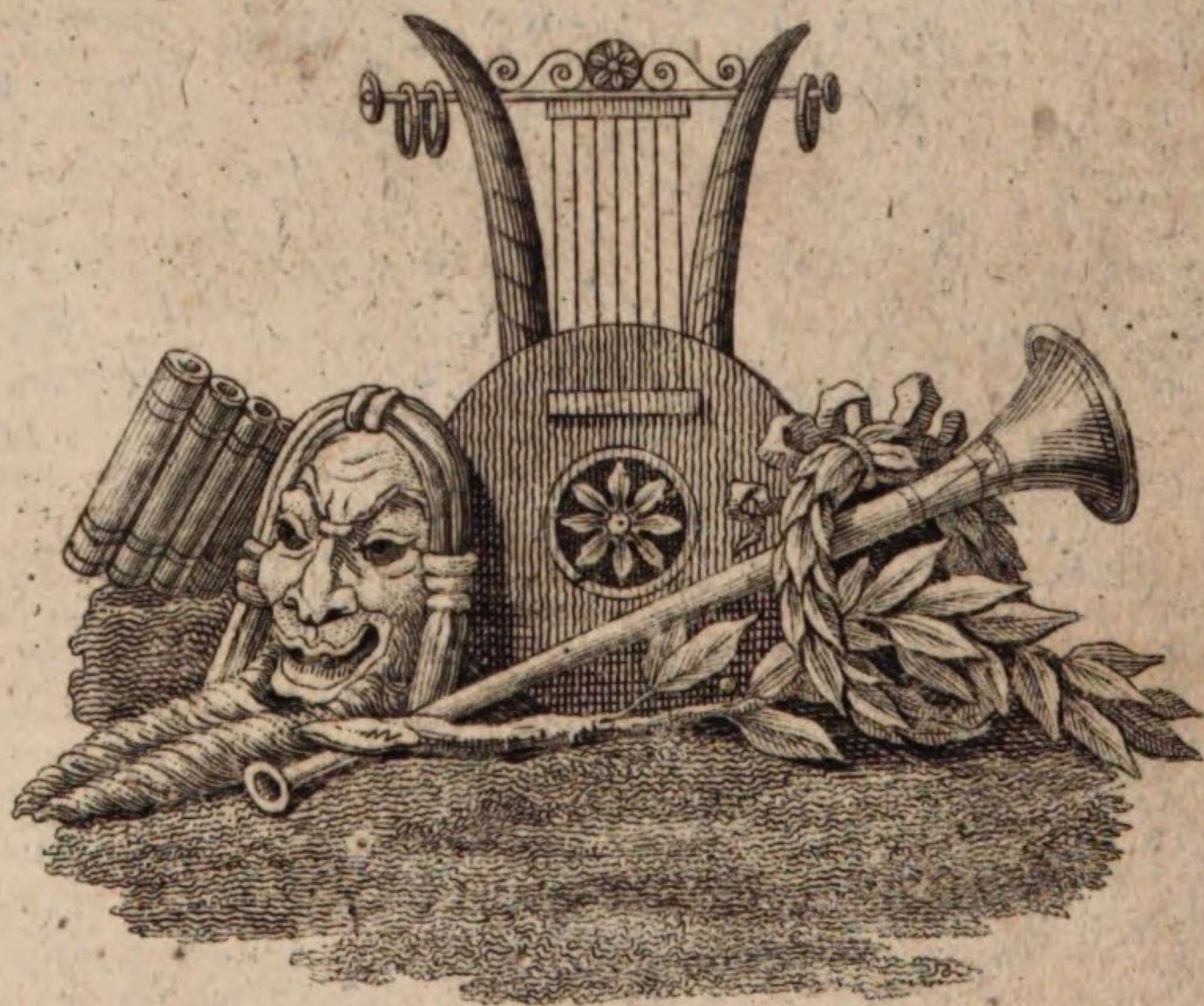
СТИХИ

НА КОНЧИНУ Фельдмаршала Графа И. П.
Салтыкова.

Къ Прасковь Ивановнъ Мятлевой.

Спени, дочь нѣжная, надъ урною опѣца!
Я самъ въ смущеніи забылъ талантъ пѣвца:
Не въ силахъ пѣсть Вождя героевъ,
Доспигшаго сѣднѣ подъ лаврами средъ боевъ!
Но доброму опѣцу, но другу лишь людей
Вдохъ сердца посвящаю,
И окомъ полнымъ слезъ со брега жизни сей
Тѣнь милую для насъ въ міръ лучший провождаю.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

	Стран.
Ермакъ	1
Освобожденіе Москвы	9
Къ Волгѣ	16
Смерть Князя Потемкина	20
Гласъ Папріюша на взятіе Варшавы	24
Спихи на Высокомонаршую милость, оказанную Императоромъ Павломъ Первымъ попомству Ломоносова	27
Пѣснь на день коронованія ЕГО ИМПЕРАТОР- СКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА	29
Гимнъ Богу	32
Размышленіе по случаю грома	34
Преложеніе 49 Псалма	36
Къ Гавріилу Романовичу Державину	38
Подражанія Горацию: Ода VII изъ книги XIII	40
Ода III изъ I книги	43
Ода I изъ III книги	45

С М Ъ С Ъ.

САТИРЫ.

Чужой шolkъ	49
Сокращенный переводъ Ювеналовой сатиры о благородствѣ	56
Примѣчанія къ Ювеналовой сатирѣ	67

	Стран.
Эпиграммы	68
Планъ Трагедіи съ хорами	72
Триссопинъ и Вадіусъ	75

П о с л а н і я.

I. Онь Англинскаго Спихотворца Попа къ Доктору Арбушноу	80
II. Къ Г. Р. Державину, по случаю кончины первой супруги его	100
III. Къ Н. М. Карамзину	103
IV. Къ Графу Николаю Пепровичу Румянцову	107
V. Къ друзьямъ моимъ, по случаю перваго съ ними свиданія послѣ моей опсшавки	109

Н а д п и с и.

1. Къ бюстѣ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I	112
2. Къ портрету Ивана Ивановича Шувалова	—
3. — — — — — Князя Италійскаго	—
4. Къ его же портрету	113
5. Къ бронзовой спашуъ Фельдмаршала Графа Румянцова - Задунайскаго, поставленной Графомъ Завадовскимъ въ его деревнѣ	—
6. Къ памятникѣ мореходца Шелехова	—
7. Къ портрету Графа Вишгенштейна	114
8. — — — — — древняго Рускаго Историка Нестора	—
9. — — — — — Михаила Матвѣевича Хераскова	—
10. — — — — — Гавріила Романовича Державина	115
11. — — — — — Н. * * А * * Бекетова	—

Н а д г р о б і я.

I и II. Пепру Дмипріевичу Еропкину, бывшему Московскому Градоначальнику	116
---	-----

	Спраи.
III и IV. Матери и сыну	117
V. В — И — С.	—
VI. И. О. Богдановичу, Автору Душеньки	118
VII. Ему же	—
VIII. Ему же	—
IX. О — М — Д.	119
X. В — Г — В.	—
Спихи, на кончину Фельдмаршала Графа И. П. Салшыкова, къ Прасковѣ Ивановѣ Мянплевои	120

63

~~209~~ ~~11708~~
~~20~~

~~21.8~~ 35.

~~НОВАЯ ЦЕНА~~
~~100 руб.~~
~~акт от 20.1.48~~

50 -
~~Зм.~~
август 9.

МОГИЗ
БУКБАЗА
50

Dmitriev, Ivan I.,

Sočinenija

Bd.: 1 (1818)

Moskva 1818

Opp. 665 p-1

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10605943-3